

Геннадий Дорожников

ВЫСОКАЯ ЭРОТИКА КАТАСТРОФ

(Ромашка)

Глава шестая
ЧУЖИЕ И СВОИ

Только поздно вечером догнали друзья лодки экспедиции. К тому времени Бубубу покинул своих новых знакомцев. Словно какой-то заводной механизм не давал ему покоя и гнал его подальше от людей, может быть, в Моюнкумы, а может, в Нарын-пески.

Оказалось, что кроме Маши никто не заметил воронки, поглотившей огромный город, а она, пораженная увиденным, посчитала ее сном наяву, жутким миражом и никому ничего не сказала.

– Вы, конечно, обратили внимание на невероятную эротичность этой катастрофы? – спросила она у Перламутра и Бочарова. – Эта бездонная воронка как бы подчеркивает женское начало Земли; это лоно планеты...

– Ничего такого мы не заметили, – сказал бывший император, явно удивленный словами Маши, – целый город пропал, не до эротики было...

– Тебе повсюду мерещится эта самая эротика, – поддержал Перламутра Первого Бочаров, вспомнивший, что вытворяла Маша в палатке с физруком (не забыть бы набить ему морду).

– Скучно с вами, – сказала она, – не знающими или притворяющимися, будто не знаете, что нет на свете занятия более осмысленного, более угодного природе, чем соитие женщины с мужчиной. Дурак тот, кто может, но не хочет, несчастен – тот, кто хочет, но не может, безумен тот, кто пишет тома о воздержании, об умеренности... – Она перевела дух и продолжила: – За примерами далеко не пойдём...

Друзья согласно кивнули:

– Нет, далеко не пойдём...

– Средневековье...

Бочаров и Перламутр не на шутку сдрейфили: в средневековье много чего накопилось по части эротики и секса, если пустить этот разговор на самотек, то он не скоро закончится. Они как в воду глядели.

– Средневековые рыцари знали толк и в красавицах, и в искусстве их обольщения... Тысячу лет назад они уже поклонялись Прекрасной даме, не то, что

Окончание. Начало в № 6, 2017 г.

нынешние... Пардон, присутствующих не касается, – начала Маша. – Судить о сексуальности той далекой поры можно даже по костюмам. Кавалеры выглядели павлинами: кружева, рюши, жабо – все было брошено на покорение красавиц... Даже гюльфик бывал затейливо украшен, притягивая взоры дам... Вы можете заметить, что рыцари не очень полагались на добродетели подруг и нередко перед очередным крестовым походом вели супругу в ближайшую кузню, где подбирали ей изящный стальной пояс верности, и бедняге предстояло лет пять, а то и все десять громыхать и скрежетать на брусчатке замков. Но никакое железо не устоит перед силой любви. Нет ничего изобретательнее и находчивее любви. Если не удастся за пару талеров заказать у пресытившегося кузнеца второй ключ, то этот самый кузнец может легко пропасть в кошмарных казематах рыцарских замков, или, не дожидаясь неприятностей со стороны закованной в стальной толедский корсет знатной дамы, можно вместе с нею на досуге затеять процедуру разгадывания средневековых кодов (кстати, это одно из самых возбуждающих действий; многие не жалели полцарства, чтобы увидеть красотку, чьи прелести просятся на волю, и повозиться с ней... Э-эх, времена теперь иные...). А вообще-то все зависит от ракурса. Кого-то и наручники заставляют стонать от наслаждения, а кто-то в ужасе от женской наготы... Кстати, о нагоде, была бы моя воля, я запретила бы красавицам прятать свои восхитительные тела; красота должна быть общественным достоянием.

– Тогда мужчины не смогут работать, – улыбнулся бывший император, – произойдет коллапс экономики, рухнут империи... Да вы и сами не верите тому, о чем говорите. Ведь теории – это одно, но когда понимаешь, что начинать придется именно тебе – это другое... Сколько идей угасло, когда стало понятно, что теории всегда мертвы, пока вы их не примерите на себя...

– Если бы дело было только в этом!.. – произнесла Маша, отступила на пару шагов, сбросила легкое платье, двумя-тремя движениями – все остальное.

Экспедиция ахнула во все свои глотки. Маша медленно повернулась кругом, как будто кто-то невидимый сидел у нее на плече, а может, и вправду (свят, свят!) сидел, и она опасалась уронить этого невидимку. Она повернулась еще раз, словно для того, чтобы ее сумели рассмотреть буквально все, и затем двинулась по горячему июльскому песку к своей палатке. Когда полог палатки закрылся за ней, экспедиция шумно вздохнула и разразилась аплодисментами. Только Бочаров не аплодировал, он ревновал бывшую жену ко всему на свете, а теперь стократ сильнее. Он вспоминал, что в тот неполный год, когда они были с Машей вместе, ему потребовались вся его выдержка, самообладание, крепкие нервы, чтобы просто не сойти с ума.

Вокруг нее всегда вились ухажеры, причем они не обращали никакого внимания на Бочарова, пытались через него передать ей записки, приглашения на банкеты, в общем, цветы-одеколаны-поцелуи... У нее оказалось бесчисленное множество школьных и университетских друзей, как будто она училась сразу во всех школах и университетах города, да вдобавок сидела в каждом классе по три года кряду. Едва ли не каждый день ей требовалось отправляться на встречи с одноклассниками, дружеские пирушки, с которых она возвращалась под утро, а часто: «...я останусь ночевать у подруги, нет, ты не знаешь ее... кажется, в Бирюлево... ну и что такого, что Бирюлево – в Москве, а от нас до Москвы трое суток трястись на скором поезде номер восемь... Твоя ревность уже достала, отстань!..»

Однажды она заявила не одна, вместе с ней в «двушку» ввалилась целая гоп-компания. Гоп-компания принялась уничтожать запасы спиртного, а двое из них – знаменитый, как представила его Маша, театральный режиссер Феодор и подающий большие надежды ученый-историк Миклуха – прилепились к ней и наперегонки подливали в ее бокал то шампанское, то коньяк. В результате надрались все – и спаиваемая, и спаивающие, и гурьбой повалились у камина на ковер, как рухнувший акробатический этюд – помните, они были украшениями школьных вечеров, как обязательная драка? Конечно, этой ночью тоже не обошлось без мордобоя, схватились Миклуха и Феодор, каждому из них приснилось, что его сопернику повезло больше. Миклуха спросонья двинул слева, добавил справа и послал Феодора в глубокий нокдаун. Тогда режиссер применил филологическое, в чем-то даже психологическое оружие. Он, борясь с тяжестью в голове, продекламировал:

...Давайте после драки
Помашем кулаками,
Не только пиво-раки
Мы ели и лакали,
Нет, назначались сроки,
Готовились бои,
Готовились в пророки
Товарищи мои...

Во время драки все у нас приобретает черты реального, истинного, подлинного, наконец-то свершившегося. Драка – не простой мордобой, которым вполне обходятся в других странах – для сведения счетов, в спортивных забавах. Для того, чтобы подраться, нам не нужны поводы и причины, мы деремся не ради наград и денег – мы деремся, чтобы драться. Если тебе набили морду, то ты, конечно, можешь всю жизнь искать случая, чтобы отомстить обидчику каким-нибудь хитрым приемом, специально приготовленным в секции русских богатырей – чтоб знал наших, сука, – но если ты глубже и тоньше, то ни жестом, ни гримасой не покажешь своих истинных чувств.

Хорошо, когда враг всегда рядом и ты имеешь возможность ежедневно крепко пожать его руку, справиться о детях, передать привет той неубранной, непричесанной толстухе, которая прежде была «бьютефул факультет» и за день до вашей с ней свадьбы убежала с вашим обидчиком – с кем же еще? – так что он не только набил вам когда-то морду, но и плюнул в душу, – как такого оставлять без присмотра?.. Пусть он считает вас «старинным другом» и при встрече проникновенно говорит: «Держи краба, дружище», – и сует вам пятерню лодочкой, – ваша минута торжества обязательно наступит. Он или заскулит: «Ну что это за жизнь такая!.. Как будто прокляли меня – ничего не ладится – ни работа, ни в личном плане!.. Хорошо, что ты, старый дружище, рядом со мной, всегда готов подставить плечо!..» Или придет, придавленный горем: «бьютефул факультет» причесалась, прибралась да и переехала в трехкомнатную квартиру начальника тюрьмы, и, по слухам, «краса» уже зачала от него ребенка. Вот тут бы и добить его перочинным ножиком с перламутровой ручкой или предложить стакан самого дешевого вина с доброй жменей крысиного яда, но вы опять не станете торопиться: сладкий миг расправы не терпит поспешности. Вы готовы прожить рядом с ним всю свою жизнь – выхаживать во время хворей, давать займы, даже если у самого в

6

доме шаром покати. Погубить его окончательно нужно не ураганом, не грохотом вулканов, не под градом визжащих пуль, а дуновением утреннего ветерка, одним ничего не значащим словом, как бы случайно, не заметив утраты. Пусть кто-то скажет «враги стали закадычными друзьями» – не разубеждайте таких; никто не может понять нашей ненависти и чем мы ее поддерживаем и укрепляем.

Мы любим тех, кто бросается в кулачную без раздумий, без предварительного подсчета своих сил и боевых возможностей противника. Сладка победа, но и участие в драке окрыляет славянские души...

Мы устали сражаться за хлеб насущный, мы поседели в очередях за повидлом, наши тела в шрамах, полученных в битвах за идеи; мы мечтаем о драках за самих себя, но полиция строга к тем, кто дает в морду за свою жену, за детей, а порою просто так, настроения ради...

В итоге той ночью, на ковре у камина, досталось всем: Феодору – синяки, Миклухе – тоже синяки, потому что Бочаров не сдержался и набил морду подающему надежды ученому...

Нет, положительно, поход удался. Даже несмотря на то, что пять лодок куда-то пропало. Участников экспедиции вроде не убавилось, а байдарок не досчитались пяти штук. Причем, почудилось кое-кому, в экспедиции появились незнакомые лица. Они так же, как все прочие, любили песню про желтую гитару и дружно горланили ее вечерами у костра, но они явно были чужими. Они терпеть не могли картошки, запеченной на костре, не любили теплой водки и пили ее неохотно, с подозрением относились к тушенке и все время что-то заносили в небольшие записные книжки. И, поразительно, по утрам их не томило похмелье, ну, вылитые марсиане!

Бочаров как-то заглянул в одну такую книжку, опрометчиво оставленную пришельцем без присмотра, и ужаснулся: там все было написано на чистейшем иностранном языке. Ни букв «ы», «э», «я» не попадалось в этих записях, ни твердого разделительного знака, ни зарисовок с натуры из тайной жизни женщин (да, почти с каждым из нас рядом живет секретное существо; женщины беспрестанно что-то скрывают, шепчутся, на дню три раза бегают в лавку – неужели нельзя закупить этого молока и подсолнечного масла столько, чтобы его хватало хотя бы на день? – а может, они травят нас молоком?.. Женщины сродни с чужими, вот еще одно наблюдение: они никогда, завидев чистый забор или листок бумаги, не бросаются изображать мужчин без штанов).

Чужие, как подметил Бочаров, не хохотали над анекдотами. Даже не улыбались. Они многое воспринимали всерьез, даже самих себя. Самих себя в первую очередь.

Один из них на перекате возле Сауркина яра взял спиннинг и стал методично стегать реку.

Бочаров крикнул ему:

– Мужик, здесь рыбы не стало еще до твоего рождения!..

И тут же спиннинговое удилище выгнулось дугой.

Бочаров крикнул с надеждой (мы очень не любим, когда клюет у чужих):

– Зацеп?.. Карша?.. Старый башмак попался?..

И тут же все увидели, как из воды вылетел метровый судак, пытаясь освободиться от крючка. Не прошло и пяти минут, как рыбина была на берегу.

– На воблера схватил? – завистливо спросил Бочаров.

– Я не знаю, взял первую попавшуюся резиновую рыбку, – объяснил удачливый рыбак, и в это время у него снова клюнуло.

На этот раз на приманку соблазнилась разбойница щука.

Все рыбаки экспедиции немедленно достали свои снасти, лодки ошестинились удилищами, и уже через пять минут кто-то закричал:

– Есть, схватила!

Оказалось, что клюнуло опять у чужака. На этот раз это была красавица-нельма которую в этих краях называют белорыбицей. Кое-как вытащили ее на берег, в ней было веса никак не меньше двадцати килограммов.

Рыбаки удвоили усилия, блесны хищно бороздили пережат, готовые вонзиться в прохладную рыбу плоть. Но у них не клевало, а чужак вытащил еще одну рыбину – гигантского окуня, килограмма на два, даже больше. За какой-то час он обеспечил экспедицию свежей рыбой, и вскоре на сковородках зашипело масло. Записные рыбаки экспедиции сумели выудить на всех крошечного жерешка – с мизинец, да и то умудрились поймать его за хвост.

В чужаках было много странного. Маша обращала внимание Агнеты Карловны на то, что некоторые члены экспедиции по вечерам предпочитают сидеть не у костра, а в кромешной темноте. Отметившись у костра, подав голос: «Под крылом самолета о чем-то поет зеленое море тайги», они сбивались в кучку где-нибудь под гигантским черным тополем, где темнота была почти абсолютной, куда не доставали бледные лучики речных промокших звезд, и сидели, обхватив руками головы, – безмолвно, неподвижно, и те участники экспедиции, кто случайно попадал на эти странные посиделки и пытался разглядеть с фонариком, что же тут происходит, успевали заметить выражение крайнего ужаса на лицах чужих, и тут же лампочка в фонарике перегорала.

Агнета Карловна этим сигналам не придавала особого значения.

– Есть люди дня, а есть и люди ночи, – говорила жена Генерала, – к нам попали, наверное, люди ночи. И они очень боятся звездного света потому, что их сумрачные души растворяются в нем, наполняя вселенную страхом и отчаяньем. Люди ночи блуждают от галактики к галактике, разыскивая Полную Темноту. Они почти безобидны, если не считать пары атомных войн, которые они развязали против народов Света, они склонны к поэзии, музыке, живописи, не чужда им благотворительность, которую им удобнее называть милосердием.

Жена Генерала, оказывается, была близко знакома с одним из лидеров людей ночи, и ей не были совсем чужды их идеи; ведь они просили всего ничего – права на мрак, как мы просим права на свет.

– Люди все разные, – продолжала она, – но они могут ужиться друг с другом, если их только не стравливать специально. – И добавила, как заклинание: – И это очень эротично! Вообще-то не ошибемся, если приравняем эотику к таким понятиям, как мир, толерантность...

Бочаров не сдержался:

– Все-то у вас, Агнета Карловна, эротика и эротика... Можно подумать, что важнее нее ничего на свете больше нет. А куда у вас подевалась любовь?..

Агнета Карловна только руками взмахнула от изумления: ну надо же, в самом близком ее окружении есть такие дремучие люди!

– Сожалею, что даже ты, Бочаров, не понимаешь самого простого, – сказала она. – Любовь, которой, оказывается, тебе так не хватает, не всегда находится на

берегу эротике, даже чаще всего на противоположном. И они не кровные сестры, а соседки в подъезде многоквартирного дома. Когда, к примеру, ты заводишь разговор о производстве серного колчедана, то совсем не обязательно вспоминаешь при этом добрым словом, или каким иным, расширение торговли спортивными мотоциклами.

Пришла пора изумляться Бочарову: откуда в речи гламурной дамочки эти производственные мотивы?

– Любовь – это вдох. Эротика – выдох, – продолжила жена Генерала. – Как прожить, не дыша?

– А секс? – осторожно вставил Перламутр.

– А что секс? – быстро ответила она. Видимо, часто ей приходилось объяснять бестолочам тонкости эротике накануне катастроф, а особенно после. – Секс – это только заключительная, очень непродолжительная фаза эротике, и она нас в данном случае не интересует, как и любовь. Мы дышим эротикой, мы живем ею, мы повсюду находим ее проявления, даже в самых, казалось бы, далеких от нее сферах... Мы ее бескорыстные пропагандисты, не зря мы идем под знаменем Эммануэль...

И она показала рукой в сторону небольшого, выцветшего на солнце флажка, на котором была надпись – «Эммануэль». Никто в экспедиции не знал, кто такой (или такая) этот Эммануэль, а вот оказалось, что Агнета Карловна в курсе дела.

– Чего вы хмуритесь, мужчины! Я – с вами, а значит, вам ничего не угрожает, – продолжила она. – А это само по себе замечательно... День прожит без заметных катастроф, и за это уже надо благодарить Бога!..

Бочарова так и подмывало спросить у нее насчет небесных сил: как ее теория и практика эротике уживаются с ними, не чудятся ли жене Генерала суровые лики святых, полные укоризны? Но он не спросил ничего.

Агнета Карловна по-своему поняла его молчание, улыбнулась всеми тридцати двумя жемчужными зубками (злопыхатели уверяли, что зубы у нее действительно из драгоценного жемчуга, и они годятся только для ослепительных улыбок, а когда жена Генерала садится, к примеру, есть кашу с мясом и редькой, то снимает жемчужные зубы и привинчивает стальную челюсть) и сказала:

– По случаю начала нашего похода объявляю эротический конкурс имени Эммануэль. Он состоится ровно на половине нашего пути, нас ждут, во всяком случае многих, приятные сюрпризы.

И вопрос о людях ночи утонул в лавине последовавших подготовительных хлопот: одних нарядов потребовался воз и маленькая тележка, а сколько пудры, лака. Пилочек для ногтей привезли четыреста штук, а кроме того – трюмо, электрические щипцы, множество другой техники неизвестного предназначения. Многие из этих агрегатов страшно дымили, парили, так что казалось, что экспедиционные красавицы применяют для борьбы с морщинами асфальтовые катки.

Всего записались для участия в конкурсе тридцать шесть девушек экспедиции – все до единой, юноши тоже выставили приличный отряд красавчиков – двадцать четыре молодца и с ними Михаил Ануфриевич Чудинов-Бухалов. А кроме того выказали желание посоревноваться тысячи городских и сельских жителей, каким-то образом прознавшие о конкурсе.

– Потом повестушку напишу – материал тут благодатный, – говорил Чудинов-Бухалов, и как его не отговаривали, дескать, ваша первая молодость на исходе

(классику было уже за шестьдесят), но добились только, что еще шесть писателей из состава экспедиции заявили о своем участии в конкурсе.

Так что литература должна скоро обогатиться полудужиной эротических повестушек, а то и романов.

А люди ночи, предоставленные сами себе, незаметно пропали, кто-то уверял, что они отстали у станицы Янайкинской, а кто-то давал голову на отсечение, говоря, что сам видел, как они растворились в звездном свете... В любом случае грустно, что люди у нас могут пропасть – и о них никто даже и не вспомнит – ни как их величали, ни что они любили, и кто-нибудь любил их?..

Однако через несколько дней трое из них вернулись, и, к удивлению своему, Бочаров узнал в них давних своих знакомцев – Заскорузлого, Фиолетового и мужика без примет, а значит, и без имени.

– Поначалу я вас не узнал, – сказал он им, – а теперь вижу ясно – это вы!

– Да, это мы, – подтвердили они, – прослышали о том, что у вас происходят грандиозные вещи, и решили посмотреть своими глазами...

Бочаров изумился:

– «Эммануэль»? Да, кстати, кто он такой?..

– Вообще-то мы имели в виду другое, – сказал Заскорузлый, – например, растущую активность блуждающих Мальстремов, которые, оказывается, не такие уж блуждающие – последние исследования прямо указывают на то, что ужасные воронки, поглощающие целые города, управляются чьей-то твердой рукой. Чьей?

– Неужели альдебаранцы осмелились? – спросил наобум Бочаров, потому что минуту назад придумал этих самых альдебаранцев и даже не успел наделить их хоть какими-то чертами: злобные сороконожки, малограмотные, ненавидящие вермут и вообще все земное?

– Вот и вы уже знаете, – искренне огорчился Фиолетовый.

А мужик без примет спросил:

– Может, вы подозреваете кого-то? Ничего странного не замечали? Мы уполномочены вести с пришельцами переговоры на самом высоком уровне, вот только найти их пока не можем. Помогайте, ребята!.. Любые сведения щедро оплачиваются...

И он вытащил из кармана и затрещал пачкой новехоньких кредиток.

Перламутр сообразил быстро:

– Честно говоря, мы вас подозревали...

– А мы вас...

Бочаров подлил масла в огонь:

– А вообще тут много странного... Тут, если честно сказать, все непонятно. Куда-то плывут на байдарках, куда? Все в мире уже давно обплавано, да не по одному разу... Шумели экспедиции имени Ленина, имени Клары Цеткин, а какая была экспедиция имени Павла Морозова! – пальчики оближешь! – семьсот участников, триста корреспондентов, сотня кинооператоров. Думали, что лет на сто жажда экспедиций угасла, ан нет, опять угребаются, песни какие-то самодельные орут!.. Кто это такой, Эммануэль?..

– Я был знаком с этим парнем, – внезапно произнес мужик без примет, – он у нас лаборантом работал на приполярной метеостанции, душевный, скажу я вам, был человек, он уже тогда – мысль человеческая бурлива – ратовал за устрой-

ство специальных газгольдеров для обогрева полюсов, доведения температуры в Антарктиде до двадцати двух градусов по Цельсию, на Северном полюсе – до двадцати восьми, тоже по Цельсию. Тогда бы доступ к большой воде получили жители всех пустынь... Вот о чем мечтал Эммануэль, и он бы довел свое дело до конца, если бы его не разодрал в клочья белый медведь...

– Вот, значит, почему нас пригласили быть членами жюри конкурса, – подал голос Фиолетовый.

За приготовлениями, приятными хлопотами как-то все позабыли о людях ночи, да и много о чем тогда запомнили...

Нет, положительно, поход удался, а всякие мелочи – так у кого этих досадных оплошностей не бывает? Утопили хлеб, проглядели людей ночи, чуть не попали в Мальстрем – кто скажет, что с ним ничего подобного не бывало?..

Глава седьмая ТРИУМФ ЭММАНУЭЛЬ

После объявления конкурса жизнь круто перевернулась. По вечерам у костра теперь играла знаменитая рок-группа «Арай», высадившаяся на парашютах у поселка с чудным названием Коловертное, и Бочаров искренне радовался, что эти воздушные рокеры поют на иностранном языке. А Бочаров иностранного языка не знал, поэтому его не могли поранить все эти «I need you, I love you...». Из рациона экспедиции почти исчезла тушенка, макароны и сало; сделано это было по просьбе конкурсантов, которые таким образом боролись с лишним весом, морщинами и каким-то Целлюлитом...

Прибыли из города учителя английского языка, предполагалось, что конкурс будет проходить именно на английском – в память о великой команде – не «Битлз», а именно «Beatls».

Прибывшие учителя долго восторгались речному приволью, говорили:

– В городе не увидишь буйства природы, да и небосвод заслоняет гора – огромная, неведомо откуда взявшаяся, гигантская, дымящая, как необъятная куча мусора, горища.

– Власти уверяют, – продолжали жаловаться учителя, – что в наших краях естественный процесс горообразования еще не завершился, и даже идет с нарастанием. «Радоваться надо, что являемся свидетелями феномена, – говорили власти, – а не жаловаться во все мыслимые и немыслимые инстанции...»

– По телевидению даже выступил Генерал и заверил горожан, что ситуация полностью под контролем властей, армия в казармах, авиация проводит плановые учения... А что касается горы, так этот природный феномен сейчас изучается, к нему приковано внимание ученых всего мира, но задолго до окончания исследований, вывода компетентной комиссии, к нашей горе потянулись туристы... Так сказать, рупией голосуют за природное чудо.

Приехали и мастера художественного слова. Их пригласила Маша. «Изящная словесность, – говорила она, – это кислород для общества, истосковавшегося по истинной культуре...» И где только она этого набралась? Агнета Карловна никак не выразила своего отношения к тому, что едва не в каждой пятой лодке сидели теперь люди в безукоризненно отутюженных костюмах и по памяти читали Али-гьери, Иванова, ну и, конечно, Шабаренину, и декламаторы совсем распоясались,

принялись читать стихи в микрофон спасательной службы, которая потеряла бдительность, и в итоге было допущено переворачивание байдарки с хлебом, и весь запас хлеба уничтожен. Это уже похоже на диверсию... Вот что может произойти, и даже похуже того, если изящную словесность строго не контролировать.

От журналистов отбоя не было, приехала даже парочка считавших себя честными. Они и в самом деле оказались прямодушными, написали в свои газеты, что экспедиция – дело полезное, но надо все-таки предохраняться, для этого умные осторожные люди придумали презервативы. Иначе к концу похода могут появиться многочисленные дети реки, – это, конечно, хорошо, но все-таки цели и задачи экспедиции имени Эммануэль были несколько иными. Так написали честные газетчики, а бессовестные клеветали изо всех сил. От них участники экспедиции узнали, что путешествие было затеяно с целью поиска сокровищ, которые некогда утопил на дне Урала самозванный царь Петр Федорович – чтоб Екатерине Второй, его неверной жене, не достались. И еще журналоги писали, будто бы клад был найден еще в самом начале похода, золото погрузили на байдарку, которая не выдержала тяжести несметных сокровищ и перевернулась, а была эта байдарка замаскирована под хлебную, дескать, хлеб утопили – и никаких богатств!

Бочаров бросился было писать опровержение, как же так, друзья-товарищи, никакого золота не было, он, если что, отличил бы хлеб от золота. Но никакого опровержения никто не стал печатать, вместо этого газеты и один журнал разразились обличительными статьями, в которых потребовали сдать золото государству, пока не поздно. Некоторые газеты даже называли количество найденного золота – пять тонн, и тонна изумрудов, и по мелочам – брильянтов, жемчугов – на полтора миллиарда в наших деньгах, а если в американских бумажках, то тоже недурственно получается.

– Набью морду! Обязательно набью морду этому писаке, – грозился Бочаров, – просто мечтаю, как заеду ему в рыло!..

Но мечта его не сбылась: писака оказался очаровательной блондинкой, ей самой природой заповедано нести глупости, а нам, дуракам, слушать их с умилением, безвольно поддакивая. Да, красоту не победишь!

Жертвой блондинки пал и Перламутр Первый.

Когда она узнала, что некогда он был императором, она сказала:

– Мне нравятся властные мужчины, которые повелевают массами людей. Вы, Перл, из породы повелителей, я это чувствую за версту... Вам хочется подчиняться... Скажите, вы водили дивизии в бой – на славу или на смерть?

– Доводилось, – скромно сказал бывший император, вспомнив, как остатки его разбитого в прах воинства в панике уходили от армий Всемирного Руководства – по залитым дождями равнинам, по засыпанным снегами унылым горам, как скрывались три недели в сумрачном лесу, голодали, пытались выкапывать какие-то корни. Он еще раз повторил: – Доводилось, но я сторонник мирного сосуществования народов...

Блондинка окинула его с ног до головы ленивым взглядом, и Перламутр Первый пропал. А блондинка немедленно потеряла к нему интерес, нет, не походил экс-император на brutального победителя, да и что он делает в байдарке? И где его свита, охрана, наложницы?

Журналистка прибилась к головным лодкам, где экспедиционеры могли ежедневно лицезреть Агнету Карловну, Иванова, мирового художника Малыгина,

других властителей дум народных, – здесь журналистка-блондинка и черпала материал для своих писаний, и вот теперь за ней стал по пятам таскаться Перламутр – то букетик полевых цветов насобирает, то раздобудет что-нибудь наподобие коллективного сборника начинающих поэтов из городского литобъединения «Кастальский ключ», то вручит ей крошечное серебряное колечко – с гравировкой-оберегом, то вместо нее дежурит у костра. В общем, его нескладная фигура (Перламутра как будто сначала сломали, а потом склеили, да склеили неровно), тенью преследовавшая блондинку, сначала смущала красавицу, потом раздражала, а потом журналистка стала ненавидеть ее. Дошло до того, что блондинка вынуждена была обратиться в штаб экспедиции, дескать, бывший император проходу не дает.

А с сексуальными домогательствами в экспедиции дело обстояло строго, можно было в три счета попасть в гребцы на тяжелые грузовые лодки или загреметь в продуктовую команду: то глупая гусыня вместе с выводком проковывает почти под колесами реквизиционной машины, и она (с выводком) потом сгодится только для шулюма, то кучерявый барашек попросит подвезти его до стана экспедиции, он лично хотел познакомиться с Агнетой Карловной, то два десятка доверчивых кур, поверив воплям молодого петуха о том, что родина там, где мы, переселятся из мрачного курятника, где патриархат, где курица вынуждена терпеть унижительное положение полигамного брака, где она лишена хоть каких-то гражданских прав, в чистые мешки экспедиции, где хотя бы все равны, – экспедиция оставляла за собой коридор выжженной земли...

С Перламутром вызвалась побеседовать сама Агнета Карловна, отговорить от любви всей его жизни. Жена Генерала по себе знала, как это трудно, но главное – она не знала, нужно ли это? Любви не требуются помощники, она приходит внезапно, и ты вдруг вспоминаешь, что умеешь летать, и это совсем просто – так почему все остальные не летают? И еще ты вспоминаешь, что не научился плакать, и это, оказывается, совсем не стыдно – сильному мужчине обливаться слезами – и возьми нас тогда на голый разговор («Оставь ее, оставь, тебе же лучше будет!..»). Мы любим слово, мы дышим словом, но признаем: любовь сильнее.

Агнета Карловна призвала бывшего императора: встань передо мной, как лист перед травой! Она приветствовала его не как знатного гостя, а как хозяина. Был даже выстроен почетный караул, компактный, вышколенный, подчеркивающий значимость встречи. По случаю был найден гимн Перламутрии. И его исполнили на балалайках и домбрах. Перламутр прослезился...

– Я пригласила вас исключительно из дружеских чувств, которые мы все испытываем к вашему многострадальному народу. Как только я узнала, что в составе похода такой, можно сказать, штучный человек, то я сразу сказала: приведите его ко мне. Незаурядные люди, личности привлекают меня.

Перламутр все принял всерьез. Развалился на почетном месте, окунулся в обманную атмосферу пиршества, где тосты пьянят сильнее коньяка, где нужно обнимать врага и уверять его в вечной дружбе. Перламутр знал, что на другой день поутру челюсти сводит не от похмелья, а от стыда, но все равно это было сильнее его, и он не пробовал даже сопротивляться. Мы все попадали в такие капканы и долго потом зализывали раны.

Вино, как водится, лилось рекой, слова говорились самые пышные, как свадебные подушки. И только один раз Перламутр спросил про свою блондинку, да и то как бы невзначай. Ему отвечали: с минуты на минуту будет, а пока не скучай,

у нас девушками сто лодок набиты. И они прекрасно понимают, что им можно и что нельзя в эпоху после катастроф. Агнета Карловна говорила вкрадчиво, дескать, мы живем на остатках мира, на обломках мироздания, мы прохлопали, растранили свою вселенную, так нечего нам настаивать на своей нравственности, а заодно и духовности. Нам уже не по плечу высокие нравственные законы, нам довольно правил, придуманных нами же... Но и они кажутся запредельными, и мы с радостью их нарушаем... И, может быть, не будь этих куцых правил, мы даже бы скучали о них, но теперь мы говорим им – долой! Золотой век так и не наступил, да и серебряный догорел так быстро, что невольно думаешь: а не подмешано ли к благородному серебру восемьсот семьдесят пятой пробы китайского дымного пороха?

Мы любим, как служим, – за красивые глаза, за большие деньги, за маленькие тоже, за аккуратно заштопанные носки, за то, что в этом году не забыл поздравить с днем рождения... Любовь, как кредитная карточка, нужно знать секретный пинкод, чтобы получить искомое... Но мы изо всех сил стараемся обрядить простое в пышные одежды, даже стоя у самого края Мальстрема...

Перламутр не совсем понимал жену Генерала: разве она предлагает всегонавсего свободную любовь, противную духу, порочную забаву интеллектуалов и бродячих артистов? Неужели так примитивно? Нет, наверняка он не понял... Но вино таинственно мерцало в хрустале, табак, вываренный в меду, кружил головы, едва одетые девушки танцевали так, что их откровенные одежды становились еще откровеннее.

И голова влюбленного императора закружилась. И не мудрено. Он целовал девушек, затеяв с ними какую-то игру, в которую они все с удовольствием ему проигрывали, а выигрыши были щедрые – девушки пахли чабрецом и лавандой, и он потерял счет им, а заодно и утратил ощущение опасности, которое так часто спасало его.

Постепенно куда-то растворились музыканты, сама Агнета Карловна тоже исчезла из головной лодки. Перламутр хотел произнести: «Где вы все, ребята?», но никто не откликнулся, и Земля понеслась в обратную сторону, и все потонуло во вселенском мраке.

Пробуждение было радужным, в том смысле, что перед глазами бывшего владыки мелькали радуги, вспыхивали разноцветные молнии. Что-то булькало. Но, кажется, все-таки не в голове, которая раскалывалась от боли. Не открывая глаз, он попытался пошевелиться, но это ему не удалось. Опасаясь, что, не выдержав боли, голова сейчас расстанется с телом, он приоткрыл глаза. Лучше бы он этого не делал. Он обнаружил себя вплетенным в целую кучу тел, затейливо расположившихся по лодке. Все тела были без малейших признаков одежды, так что все признаки прошумевшей здесь оргии были налицо...

Со стонами, крихтением, чертыханиями возвращались тела к жизни, если можно назвать жизнью отчаянную головную боль, тошноту, попытки восстановить события прошедшей ночи.

И как будто к такому кошмарному пробуждению жизнь специально подгадывает и другие события, без которых мы легко могли обойтись. Оказывается, что драгоценную вазу, привезенную из Египта, именно вы швырнули за борт с криками «сарынь на кичку!». Затянули драку с искусствоведом Ипатием Харитоновым – тоже вы. Заблевали всю лодку – конечно же, тоже вы.

И это только самые первые, поверхностные «открытия». А еще вы порывались вызвать на дуэль поэтессу Валентину Шницель, крича, что в ней бабского – только юбка, а все остальное от мужика, поэтому вызвать ее на дуэль – можно и нужно.

Всем успел за вечер придумать обидные прозвища, причем хозяйку называл «задницей с ручкой».

Не будем утомлять читателей перечислением почти безобидных шалостей, которые вы допустили вчера или подбивали на них других. Например, именно вы предлагали эмигрировать всей экспедицией в Иран и призывали желающих записываться у вас.

А вот и главный удар.

– Доброе утро! Как спалось, ночевалось? – произнес знакомый женский голос.

Можете не сомневаться, что это она, любовь всей вашей жизни. И вы выполняете к ее ногам из-под храпящей, как солдат в казарме, голой бабы.

– Надеюсь, что у вас все благополучно? – ледяным тоном произнесла блондинка. – Прощайте! – еще сказала она, да так, что Перламутр понял: его волшебная мечта о любви так и останется мечтой.

Агнета Карловна потом клялась, что у нее не было злого умысла напоить Перламутра, а только подсластить его фиаско у блондинки. Откуда она могла знать, что всем, побывавшим на звездах, достаточно капли, чтобы уйти в штопор, что на любой пьянке надо доглядывать за ними, чтобы не мешали пиво с мадерой, не садились рядом с бесконтрольной водкой, чтобы закусывали горячим, и главное – нужно успеть до того, как они нальются до краев, вызвать частника-бомбилу, чтобы тот довез героев до их раскладушек и ни за какие деньги не вез бы их обратно.

У нас такие ребята есть не только среди побывавших на звездах, но Агнета Карловна почти не имела с ними никаких контактов, да они почти все засекречены.

В общем, любовь бывшего императора сгорела, толком не начавшись. Бочаров заметил, что Перламутр старался даже не смотреть в сторону палатки жены Генерала. Как будто Агнета Карловна виновата.

Ну а потом грянул конкурс имени Эммануэль, и поскольку, как вам известно, он все еще продолжается – уже второе столетие, – о победителях умолчим, да они нам и не к чему. Вот уже который год гремят песни, все о ней же, о любви. Статистика подсчитала, что в песнях конкурса восемнадцать миллионов раз повторяется слово «любовь»... За что боролись...

Кутюрье из кожи лезут, чтобы какие-нибудь «революционные» трусы вместе с «потрясающим» лифчиком не затерялись среди тысяч наименований шедевров мировой моды, которые на скоростных самолетах привезены из Астаны, Парижа, Талдыпана, Алгабаса, Мачулищ – и других признанных центров мировой моды.

Кинематографисты расстарались и сняли к открытию конкурса многосерийный художественный фильм, в главной роли которого снялся не то Депардьё, не то Рено.

Откликнулись на конкурс и ювелиры. Бриллианты на фоне желтой воды казались оправленными в расплавленное золото.

Хореографы привезли на берег реки балет «Эммануэль и сильфиды», в котором языком танца рассказано о судьбе талантливого и отважного юноши, павшего от лап коварного медведя. Медведицы...

Композиторы пока не приехали, заканчивали к торжеству добрую дюжину ораторий, кантат, пару симфоний и даже одну величальную оперу.

Не опоздали на открытие конкурса авангардисты всех цветов и калибров (если взглянуть незашоренным оком – конечно же, это всемирный фестиваль культуры, никакой не конкурс). Авангардисты выпили, закусили и одобрили все происходящее на реке. Потом они выпили еще и воздвигли на берегу гигантский монумент – черную слезинку весом в триста тонн, отлитую из нержавеющей стали. Слезинка (слезища!), говорили авангардисты, символизирует нашу печаль по поводу того, что когда-то экспедиция закончится. Им еще налили, и они пообещали написать о фестивале самую непонятную в мире книгу, которую, быть может, назовут «Апофеозом Абсурда».

– Эта великая книга будет создана не для чтения, – горячился один лопухенький сочинитель непонятного.

– Для чего же тогда? – спросил Бочаров, который всю жизнь читал непонятные – без начала и конца – книги и очень любил их.

– Для устрашения мелкотравчатых писателей, чтоб не вздумали писать ясно, как Чехов, – сказал лопухенький. – Давно пора графоманам руки по локоть отрубать, хотя бы условно... Прежний классик деревушки в карты проигрывал, волочился в Париже за чужими женами, в крайнем случае пил горькую, зато строчил романы, как заведенный, а нынешний как будто всю великую русскую литературу договорился с такими же ушкунниками, как он сам, растащить по своим многотомникам... С половины современных романов к нам жалобно протягивает руки Анна Каренина, благородный Болконский на поле боя подхватывает знамя, безжалостный Раскольников поставил на поток свое дело... Говорят, что во всей мировой литературе не наберется пары дюжин сюжетов, но ведь не всего два!.. Думаю, что если литературе выпадет спастись, то через авангард, у нас труднее лапшу на уши вешать...

Нет, не сумели отбиться путешественники от стальной слезищи, пришлось даже устраивать торжественную презентацию этой чудной скульптурищи. Так эта мировая слеза до сих пор – вот уже какой год – загораживает вид на реку. Хотя есть и такие, кто считает «слезу» священной, и нет-нет, да приходят к ней плакать и плакаться.

Залпом из семидесяти пяти орудий салютовала страна открытию конкурса Эммануэля. Или – Эммануэль?

...Давно это было, забылись многие подробности, утрачены имена. Но никогда не выветрится из памяти тот чудесный день – 23 июля, река – золоченное донышко, друзья-товарищи...

...Они все еще там, река их не отпустила... Пройдя на веслах тысячу километров, они больше никуда не плывут. Ржавую стометровую баржу вытащили на берег (паводок помог), устроили в ней бесчисленное количество – не то келий, не то карцеров, повесили на рыжие стены такие же рыжие гитары, и когда воет ветер, или где-то просыпается вулкан, или – не дай Бог – бомбардировка, – железо резонирует, и гитары сами по себе начинают петь, – и такая тогда разливается тоска, густая, как смола, горькая, как горечь; и обитатели старой баржи начинают паковать рюкзаки, кто может выдержать эту звериную тоску?

Но они не уйдут. Все, кто мог уйти, – уже не здесь, они откатились с основной экспедицией, они, собственно, и есть экспедиция, а те, кто остался, разорвал

поход на самой его середине, – изгой, предатели, какой уже год подряд они обещают объявить результаты конкурса Эммануэль, но не объявят ни за что: они каждый день с ужасом ждут, что наваждение может рассеяться, откроются глаза, и все рассмотрят убожество глинистого берега, вытоптанного тысячами ног. Но не суждено этому наваждению рассеяться, здесь остались только навек отравленные.

Повторим: да, экспедиция удалась. Бочаров не поддался на уговоры мирового художника Малыгина, который первым заметил полузатопленную гигантскую баржу и сказал:

– А вот теремок, предлагаю осесть на некоторое время...

– На день-другой? – спросила простодушная Валентина Шницель.

– Лет на двадцать, а лучше навек, – ответил великий мастер кисти.

Шницель захохотала, ей понравилась шутка.

– Веселый вы человек, – сказала женщина, немного робея перед знаменитостью. – Легкий у вас характер, я вижу...

– Да, я легок, как пушинка, – сказал художник, – но больше не могу позволить, чтобы неверный ветер странствий таскал меня за собой, как таскает он высохшие шары перекати-поля, похожие на скелеты глобусов, если у глобусов есть скелеты. Нынче я выбираю оседлость, отшельничество. Время пришло закрепиться на земле, чтобы потом назвать ее Родиной, и полюбить ее со всей силой своей израненной души. Пора насиживать Родину, без нее плохо...

– Тошно! – согласилась поэтесса. – Но где моя Родина? И можно ли ее насидеть в чужом гнезде, как кукушечье яйцо?

Шницель задумалась, а Малыгин занялся раскольнической деятельностью. Ренегат.

– Оставайтесь! – говорил он всем. – Посмотрите, на наш фестиваль приехали тысячи артистов, художников, а мы уже завтра утром должны двинуться дальше, у нас здесь только простой ночлег... Это, извините, нонсенс! Столько сил и средств затрачено на организацию фестиваля, для того чтобы просто пройти на лодках мимо творческого кипения...

– Статистика подсказывает, – оторвалась от телефона молодая фантастка лет сорока, – что только для того, чтобы хотя бы поверхностно просмотреть все работы, предоставленные на конкурс, потребуется девятнадцать лет... А еще нужна пара лет на подведение итогов, а сколько лет понадобится для чествования лауреатов, вручения наград (а деньги опять пропали)...

– В общем, дел на полвека, – сказал художник. – Решено! Остаюсь. Буду лук выращивать, огурцы, арбузы здесь вырастают отменные... Кроме того, я давно задумал обширный цикл овощных натюрмортов – с баклажанами, патиссонами, чесноком...

Бочаров едва отбил от Малыгина, не мог он долго находиться вдалеке от Маши, несмотря на физику. Несмотря на эротику катастроф.

А вот Перламутр Первый остался, присмотрел себе в старой барже не то каюту, не то келью. Едва сдерживая слезы, попрощался с попутчиками. А с блондинкой и Агнетой Карловной прощаться не пошел. Воронка жизни увлекла его, закружила, Бочаров его больше никогда не видел. Иногда мелькали в газетах, на телевидении какие-то сообщения, в которых упоминался бывший император, в основном в связи с его успехами или неудачами в борьбе со Всемирным Руководством; и когда он только успеваешь повсюду?

На другой день, когда лодка с Бочаровым ходко шла по течению, на борт пожаловала журналистка, спросила, как бы между прочим:

– Императора вашего что-то не видно...

Бочаров разозлился:

– Перламутр Первый – крупный государственный деятель. Вчера ночью, когда тысячи фейервержных звезд грозили спалить лес, когда на открытии конкурса шампанское кипело гейзерами и, казалось, било из-под земли, за Императором пришел боевой альдебаранский звездолет, и Император успел попрощаться только с самыми верными и надежными друзьями.

Блондинка скисла, а Бочаров добавил:

– Теперь он сможет вернуться к нам через пятьдесят пять лет: сам, находясь в глубоком анабиозе, останется юным, а мы предстанем перед ним глубокими стариками...

Блондинка залилась слезами.

Бочаров долго не смог заснуть, ворочался в палатке, но не десяток ревущих оркестров мешал ему. Он размышлял: «Ну почему жизнь кажется не просто бессмысленной, а организовано бессмысленной – абсурдом? Мы один абсурд привыкли объяснять другим абсурдом; даже наша логика – с привкусом безумия...» И вдруг ему в голову пришло: «А может, мы все живем в давно прошедшем времени?»

Башковитые ребята – ученые всего мира, некоторые даже – лауреаты, завели такую моду: потрясать хотя бы раз в году народное воображение. То они доказывают, что время остановилось, и в мире поселятся теперь вечная молодость, весна, вокруг сирень охапками и никаких смертей, то уверяют, что времени вообще не существует, его придумали злые фабриканты, чтобы сильнее угнетать рабочих... А оказывается, мы все давно провалились в прошедшее время, не в прошлое, а именно прошедшее, а почему прошедшее – он и сам не знал...

Он поднялся и подошел к огромной зеленой палатке – походной кухне. Ему дали алюминиевый котелок с крутой перловой кашей, которой можно, как известью, скреплять каменную кладку крепостей, плеснули в кружку глоток злого спирта, и он зашел еще в один необъятный брезентовый шатер, в центре которого полыхал огромный костер, собранный на восьмиядерных процессорах, а над костром сияли заповедные карликовые звезды.

Все было, как настоящее. Даже лучше, чем настоящее.

Шатер изображал вселенную – негасимый огонь мироздания, в этом шатре соревновались акыны, ашуги, скальды – пели, выводили речитативы, декламировали, иногда даже пританцовывали – о вечной любви отважного паренька Эммануэля, не пожалевшего для любви собственной жизни. Строгое жюри оценивало произведения по десятибалльной шкале. В этом им помогали мощные компьютеры. В жюри было привлечено двести композиторов, двести народных артистов, пятьсот членов союза писателей Ржечи Псполитой, сотни профессоров – языкознатцев, один академик – тоже языкознатец, и у этого академика сосредоточена была вся власть по призам и премиям, и он на все деньги велел купить коньяку, и сидел теперь на притоптанной тысячами ног траве, пьяный, как прошлогодняя прокисшая брага. Он ежеминутно требовал: «Плесни колдовства, мать! Плесни под жабры!..»

Под жабры ему плескала сама Агнета Карловна, не забывала и о себе. Она, замороженная высоким искусством, даже подпевала семейному ансамблю из Кру-

глоозерново; она знала этот хор, даже помогала его возрождению, причем самая первая из меценатов (как только пришла печальная весть о кончине последнего участника казачьего хора) внесла значительную сумму. Она любила повторять, что сама народная душа живет в фольклоре.

– Завтра уходим, – сказала она Бочарову, как будто сама не была уверена в этом. – Ты с нами или останешься фестивалить? Праздники не должны быть долгими, ведь когда-то за них приходится расплачиваться...

– Я с Машей, – коротко ответил он.

– А она с тобой? – спросила Агнета Карловна и засмеялась.

– Я с ней, – повторил Бочаров, но твердости в его голосе не было.

И тут началось такое! Такое! Да, такое, такое!..

Именно события, последовавшие потом и продолжающиеся в тех местах и доныне, потрясенные ученые грядущих веков назовут «Триумфом Эммануэль».

Подмостки концертного шатра быстро заполнились обнаженными танцующими девушками, грянула музыка...

Впрочем, не происходило ничего такого, чего здесь не было прежде. Не стоит и на бумагу переносить все подробности: «он положил ей руку на грудь, боясь обжечься о раскаленный сосок...», «она опрокинулась на спину, приподняла ноги и принялась скатывать с них черные, с кружевной полоской чулки, единственное, что на ней было, не считая сверкнувшего на пальце брильянта», «...в ванной шумела вода, но она не заглушала стонов Анжелики...»

Бочаров вышел из концертного шатра, медленно двинулся вдоль берега. Легкая волна плескала в невысокие борта байдарок. Бочаров забрался в одну из них, оттолкнулся веслом, легкое суденышко полетело вниз по течению.

«Куда меня понесло? – запоздало испугался он. – Черная ночь вокруг, рассвет едва розовеет где-то над Алма-Атой, или Ташкентом, или над Урдой, в общем, далеко отсюда».

Такие ночи хороши для барымты, разбоя; невесты сами взлетают в седла джигитов...

Бочаров вспомнил друга молодости, поэта Алексея Тыцких. Алексей как раз написал тогда стихи про барымту: «Кто от голода крал, тот прав!..»

Где-то страшно закричала невидимая птица, а может, и не птица вовсе, а залез на старый осокорь растрепанный Леший и орет от полноты чувств?

Здесь, на этих берегах, легко встретить ватаги лихих людей, здесь бандиты попадают с университетским образованием; тут до сих пор без сожаления дают в долг... под тридцать процентов годовых... Дикая места.

...На этой реке недопитый вермут, как пепел Класса, стучит в наши сердца, он подмывает яры, и они обрушиваются с двадцатиметровой высоты, а вермут этот привозят из самого славного города Камбриза.

«Впрочем, о вермуте я загнул ни к селу и ни к городу, – подумал Бочаров, – к чему я все подвожу?.. – И тут же ответил себе: – Кружка доброго вермута всегда к месту! А, паче чаянья, случится портвейн, то и его пригласим за стол».

Где-то далеко на Бухарской стороне вспыхнул костер, а может, и не костер это был вовсе, от него исходило непонятное оранжевое свечение, но это все-таки был костер, и вокруг сидели люди. И они не прогонят Бочарова, он почему-то знал это.

«Должно быть, в районе Меловых горok кто-то еще не спит в такую пору», – размышлял Бочаров

Он налегал на весла, и лодка как бы сама собой шла против течения. Или оранжевое свечение притягивало? Так или иначе, но Бочарову потребовалось бы в другое время не меньше двух-трех часов, чтобы выгresti против течения и добраться до Меловых гор, а теперь ему хватило пятнадцати минут.

Бочаров подошел к яру, на котором горел костер, и его взору открылась такая картина: наверх вели ступени, вырезанные из буро-желтой глины яра. Ступени как ступени. Обычные. Да не совсем. Бочаров пригляделся: эти ступени отражали пляшущее пламя костра, и оранжевые блики плясали на яру, заливая таинственным мерцанием всю округу. Ступени были выложены из пустых пивных и водочных бутылок.

«А может, они полные? – подумал он, и тут же за темным стеклом плеснулся жидкий огонь. – Вот это погребок! – восхитился Бочаров. – Запаслись люди!.. Теперь взглянуть хотя бы одним глазком на этих людей...»

И он начал восхождение по стеклянной лестнице.

А наверху вокруг костра сидели люди. Негромко разговаривали, потягивали вино из алюминиевых кружек. Один из них поднялся навстречу Бочарову. Он заметно припадал на одну ногу.

– Так почему одним глазком? – улыбнулся он. – Добро пожаловать, и смотрите в оба... Вот, садитесь сюда, это место для гостей, которые иногда заворачивают к нам. Будем знакомиться?.. Меня зовут Валентином...

Бочарова как будто громом поразило, он сказал:

– Я вас знаю, читал в газете ваши стихи... Ну да, «Бершарал», Валентин Бузунов... Мне очень понравилось стихотворение... Но, позвольте, мне кажется, я видел сообщение о вашей смерти? Опять журналисты все переврали?

– Нет, на этот раз они, к сожалению, не ошиблись, – грустно ответил поэт.

– Как же так? – оторопел Бочаров. – Вы хотите сказать, что я нахожусь в царстве теней? – Он поразился, как обыденно прозвучали эти слова.

– Пока мы думаем, что живы – мы живем, – непонятно ответил Валентин.

Бочаров осмотрелся. Неподалеку от костра из лесной темноты выступали очертания нескольких шалашей.

«Ну конечно, кто бы сомневался, – подумал он, – рай бывает и в шалаше, даже чаще, чем нам этого хочется...»

– В этих местах хорошая рыбалка, особенно в июле, – не пришло ему в голову ничего другого.

– Да, это так, – сказал Валентин, – мы в это время каждый год разбиваем здесь свой лагерь...

И Бочаров вдруг вспомнил, что прежде он уже что-то слышал об этой таинственной стоянке, которая, как по мановению волшебной палочки, возникала на берегу реки, и называлась она «Чекушкой». В лагере собирались сочинители, художники, непризнанные гении из всех сфер высокого искусства и изводили друг друга неизданными стихами, невыставленными картинами, разговорами о сволочах-критиках, придурках-издателях, но больше всего доставалось редакторам, которые ничего не понимают в литературе, живописи, да вообще ничего не понимают.

Рыба в «Чекушке» ловилась хорошо, но в десять раз больше здесь было вольнодумства, гениям ничего не стоило обругать родное правительство, и что самое возмутительное – эти деструктивные речи быстро становились достоянием

прибрежной общественности – и будоражили умы. Городские власти не знали, как им избавиться от вольнодумной заразы. Самое простое – запретить жить в лесу, ведь это не дом колхозника. И в «Чекушку» зачастили какие-то ревизоры, уполномоченные, егеря. Они говорили, что весь лагерь с его бутылочными ступеньками может быть объявлен вне закона. Лес, река, недра – государственное достояние, поэтому надо быстро покинуть эти места, не доводить до греха. Но добрая половина из них бросила свое ревизорство и примкнула к сидящим у костра, другая половина разбежалась и принялась сеять панические настроения в широких массах, дескать, эти поэты не зря там сидят, у них есть какая-то правда, которую начальство скрывает.

Кому это понравится? Бьется, бьется власть над своим образом, не жалеет красок, шелков-сатинов, печатных станков, годами недосыпает в кабинетах под портретами вождей. А какой-нибудь рифмовяз одним только словом может уничтожить этот мир, полный гармонии.

В общем, головная боль от этих сочинителей. Однажды обрушился огромный кусок яра, как раз там, где были вырезаны бутылочные ступени. Слава Богу, никто не пострадал, кроме вертлявой бударки, привязанной у самого берега к кусту краснотала.

Ее разбило вдребезги, а когда пригляделись, то кто-то сказал:

– А ступени-то посечены лопатой!..

Но не придали значения.

Той же ночью загорелся один из шалашей, едва потушили.

Обнаружилось также, что лисы опрокинули котелок с холодной ухой... Но все равно никто не верил в злой умысел.

Однажды вечером в самом центре города к Валентину привязались какие-то отморозки, таких всегда полно на наших улицах. Слово за слово – и вот уже надо драться, как оказалось, на смерть, а не на жизнь. Бандиты – а как назвать тех, кто пускает в ход ножи в любой уличной драке? – нанесли ему дюжину ножевых ранений, и Валентин оказался на больничной койке...

Всегда считалось, что убить человека чрезвычайно нелегко, сам себя, дескать, замучаешь угрызениями совести. Может, есть такие киллеры, которые по утрам перед массовыми казнями пополняют свои гербарии, слагают жалостливые стишки и утирают уголком кружевного платочка слезы, наблюдая бичевания или предрассветные обезглавливания, но большинство палачей имеют здоровый сон, глубокий, без дурацких сновидений; тренируются они на манекенах, не глядя попадают из нагана в гривенник, подброшенный высоко над головой; на совещаниях по обмену опытом выступают бескомпромиссно и конкретно, нередко предлагают рационализаторские предложения, случаются среди этих предложений совершенно революционные. Например, газовые электрички производительностью эшелон в час. Развязало руки и открытие в разных странах университетов по гуманизации четвергований и практике аутодафе. Европа приветствовала и торжественное введение в строй действующих академий казней. Так что убить у нас есть кому. Труднее – разобраться потом, чьих это рук дело и того ли убили. Как помните, лес рубят...

Бандиты с ножами то ли не были пойманы, то ли быстро вышли из тюрьмы, о них ничего не известно. Валентин же вышел из больницы и устроился на работу в ближайшую кочегарку. А где же еще работать поэтам, не в райкоме же? Кочегарка

– дает поэтам зимой обогрев, трибуну, иногда ночлег; здесь всегда найдутся ломоть пшеничного, шепоть соли, а если повезет – кусок соленого огурца, ледяного, как змея. Кочегарки любят бывшие интеллигентные люди (человеки) – Бичи; с ними неразлучны Бомжи, просим помнить, что они не одно и то же, хотя, конечно, кочегарки – это станции спасения всех людей, а так получается, что в спасении нуждаются лучшие из нас.

Кочегарки – форпосты войны против беллетристики... Здесь ведут борьбу с книжным языком, поэтому вечно юный мат, не понимающий самого себя, чувствует себя свободным.

Этой зимой Валентин читал друзьям «Цареву свадьбу», свою новую поэму:

...Голосочек мой простуженный,
Что печально разливаешься?
Почему же, царь, мой суженый,
Думкой тяжелой убиваешься?

Почти призрачные обитатели кочегарок хлебнули «одиночек» и не страдают от того, что не с кем словом перемолвиться, многие из них знают: свобода не ходит поврозь с одиночеством, выбирай – или на паровоз в Саратов, к тете Лицинии Антимоновне, там припасли тебе серые шевиотовые брюки, да не одни – в паре с черными, шерстяными – все, что осталось от дяди, удавившегося нынешней весной в тюрьме; милосердная тетя обещает зашить в задницу антиалкогольную торпеду, которая не оставляет дороги даже благородному тройному одеколону, и устроить экспедитором на маргариновую фабрику, где не пройдет десяти лет, как станут тебя величать по отчеству и не посылать в бойлерную за кипятком; или – забытую хозяйкой холщовую торбу с фунтом проса, обмылком хозяйственного мыла, завернутого в последний номер газеты «Приуралье», и выцветшей футболкой, – и бегом, бегом от семейных радостей – в кочегарку, в полуподвал – по протоптанной дорожке... (Лициния явно собиралась на бульвар, кормить утробно урчащие стаи голубей, а потом обмыть руки (какую только заразу не приносят на себе эти неопрятные птицы!) и отправиться в одну секретную квартиру, где играют в девятку и даже покер.) В общем, выбор есть всегда. Может, и не очень широкий. Так что кочегарку не выбирают, она в нашей крови и ждет своего часа...

Валентин умер тусклым зимним днем, упал в кочегарке – так закончилась земная история лагеря «Чекушка». Валентину было тогда тридцать три... Его друзья не раз пытались возродить летний поэтический бивуак, но как-то не получалось – то жены были против, то погода разладилась, то кто-то очень незаменимый запил горькую. С людьми искусства такое не редкость, говорят, что у них тоньше и ранимей душевный настрой, и они чуть что заливают эти раны портвейном, мадерой и реже водкой. А мы, толстошкурые, пьем пиво, дешевые столовые вина и до сих пор считаем, что хорошая закуска – это когда ее много.

– С публикациями в периодике, изданием книг здесь тоже трудно, – пожаловался седой, бородатый мужчина и протянул Бочарову объемистую папку, должно быть, рукопись.

На торце папки значилась фамилия писателя – Борис Пышкин.

– Можете передать это в какое-то издательство? – спросил он и добавил: – Если вернетесь...

Он увидел, что весь лагерь пришел в движение, пухлые рукописи несут ему со всех сторон – из каждого шалаша.

Бочаров почувствовал, как заledenели его руки, холод двинулся к ногам, позвоночнику. Бочаров принялся отнекиваться, на самом деле, как он объяснит, откуда у него три десятка рукописей давно почивших писателей? Тем более, что чуть не каждый писатель почему-то считал нужным добавить устрашающее «если вернетесь...».

– Придумайте что-нибудь, – настаивали они, – в крайнем случае, сотрите!..

И каждый принялся рассказывать о судьбе своих творений: у одного при жизни не дописанной осталась последняя глава трилогии, у другой наоборот – легла на бумагу только первая... Кто-то пытался даже завести разговор о собрании сочинений – в десяти томах – скромненько, без претензий. По всему видать, публика, не избалованная вниманием издателей.

– Наверное, сейчас каждый пишущий может издаться, – предположил Борис Пышкин, – полиграфические мощности наверняка такие, что это совершенно не сложно... Или до сих пор писатели бесправны?

Бочаров не стал его переубеждать, вспомнив противные ему нынешние электронные книги, бестелесные фантомы, которые живут, пока пульсирует в их проволочных жилах электрическая кровь.

– Хорошо, я возьму ваши рукописи, – сказал Бочаров, – но предупреждаю заранее, я их подкину в издательство, чтобы избежать ненужных расспросов...

– При жизни многие из нас были изгоями, – сказал человек, в руках которого была папка с надписью «Нестор Малеча», – не думаю, что многое переменялось. Писатель – наподобие яда замедленного действия...

«Уж очень замедленного», – ухмыльнулся про себя Бочаров, а вслух сказал:

– Рукописи-то, конечно, не горят, но легко могут потеряться в необъятных столах редакций, издательств...

– А я думаю, что все написанное здесь, здесь и останется, – сказал, судя по всему, Николай Корсунов.

Бочаров читал его объемный роман «Лобное место», и роман этот ему понравился.

В мгновение ока Бочаров набрал полные руки рукописей, он едва успевал прочитать на папках фамилии авторов: Николай Чесноков, Николай Щербанов, Алексей Святынин, Энгельс Габбасов, Елена Образцова...

– Хватит, хватит, – взмолился он, – иначе я на самом деле не выберусь отсюда...

– Ничего не бойся, – сказал Валентин, – это главное...

И он взмахнул рукой, и Бочаров проснулся в душной палатке. Гремели конкурсные оркестры, соревновались в глупостях ведущие, цокали каблучками дефиле – в купальниках (и чего мы там не видели?), топлес (парад силикона), в деловом костюме (как-то не идет нашим женщинам деловой костюм, сквозь него так и пробивают, как электрические искры, то кружавчик на чулке, то розочка на лифчике...).

Бочаров осмотрелся и облегченно вздохнул: приснится же такое!.. И вдруг боковое зрение просигнализировало ему: что-то в палатке со вчерашнего вечера изменилось, но что? Да вот же, что-то белеется. Похоже на стопу бумаги... Рукописи? Он опять почувствовал, как заledenел позвоночник.

В углу палатки была свалена груда бумаги. Так неужели все было наяву? И «Чекушка», и куча рукописей?..

Он поднял несколько листов, прочитал написанное от руки: «Анкета участницы конкурса имени Эммануэля Фаи Лисицыной...». На следующей бумажке значилось: «Конкурсное сочинение Ады Лисицыной «За что я люблю Имануила»... Бочаров посмотрел еще один листок, Лия Лисицына нарисовала Эммануэль (у нее она была женщиной преклонного возраста, но в мини-юбке).

Бочаров сказал:

– Какой-то лисий фестиваль получился... – И он выругался. Потом добавил – Никогда не встречал столько Лисицыных, даже знакомым не был ни с одним из них, а ведь они, должно быть, составляют если не большую, то уж во всяком случае лучшую половину человечества.

В эту минуту распахнулся полог палатки, и в брезентовое жилище проникли Маша и физрук.

– Кто тут ищет моего Лисицына? Знакомьтесь, мастер спорта международного класса Эдуард Лисицын, – первая часть фразы прозвучала еще снаружи, вторую часть она проговорила, глядя расширившимися зрачками на Бочарова.

– Мы, наверное, ошиблись палаткой, – сказала она. – Мы пойдем...

– И не мудрено, – заступил дорогу Бочаров. – Час назад ты тут так прыгала на физруке, что, вполне возможно, память тебе и отшибло.

– Мы будем кричать! – предупредила она.

– Совершенно бессмысленно, – сказал он. – Рев фестивальных оркестров заглушает любые, самые отчаянные, крики.

И он немедленно дал Эдику по уху, затем по второму.

– Жалко, что у тебя всего два уха, – сказал Бочаров, – а по два раза в одно место я не бью. Хотя соблазн есть большой.

– Хулиган! – сказала Маша. – Вот уж не думала, что ты такой, руки распускаешь! Прощу после окончания экспедиции съехать с квартиры.

Бочаров молча поклонился, взял свой тощий рюкзак, давно потерявший свежесть, и вышел из палатки.

Так он снова стал жителем крыши. Правда, за последний год жизненное пространство значительно сократилось: половина старинного здания лежала в руинах, поговаривали, что власти готовятся снести все столетние дома и на их месте построить здания из стекла, алюминия, стали, с достигающими до неба острыми шпилями. Народ крыш готовился к великому исходу, какая, скажите, жизнь на шпилях?

– Переселимся на мусорную гору, – размышляли бездомные, – туда ушло уже много наших...

Глава восьмая РЕВНОСТЬ

Бочаров после экспедиции сумел устроиться совсем неплохо. На мусорной горе среди сотен разбитых вдребезги машин, среди гнutoго, давленого, перекрученного металла он нашел разбитый в страшной аварии самосвал, у которого кабина чудом уцелела. Самосвал лежал на боку и кабину приходилось открывать, как крышку погреба, но это давало даже определенные преимущества: не каждый мог забраться сюда, за сохранность имущества (почти новый пиджак, зубная щетка, китайские спортивные брюки и смена белья. И, конечно, все пространство за-

полнено книгами, списанными из библиотек, – без обложек, без начала и конца) можно было не беспокоиться.

Не было денег, но их не бывает никогда. Когда становилось особенно голодно, он отправлялся на автовокзал, там стояли автоматы, торгующие неплохим баночным пивом. А пиво, знал Бочаров, – высококалорийный напиток, почти как хлеб.

Едва ли не каждый пивной автомат был замечен в грабежах. То он выдавал пробитую банку, и пиво по губам текло, а в рот не попадало, то он жадно проглатывал деньги, утробно рычал и отключался... Вот такой бандит и нужен был Бочарову. Он наблюдал издалека, как напрасно возмущаются обманутые граждане; автомат равнодушно безмолвствовал, и ничего добиться от него было невозможно. Пошумев немного, мучимые жаждой отправлялись в обычные пивные, если только они не отдали автомату последний рупь. Страдания последних были неопишуты.

Когда утихал переполох, пострадавшие и зеваки расходились по домам, Бочаров решительно подходил к автоматам-агрессорам и наносил нокаутирующие удары в их бесстрастные целлулоидные морды. Как правило, автоматы выкачивали банку-другую, а однажды замкнули кремневые мозги, и автомат выдал одиннадцать банок замечательного пива – так образовался погребок, в котором были и вина; а как-то на свалке остановился огромный грузовик с водкой. Водочкой. Водовкой. Водярушкой.

Чудак-водитель принялся расспрашивать дорогу на какой-то Бузулук, как будто он не знает, что этот огневой напиток любят и в наших краях. Пока водитель точил лясы, его многоколесный дальнобойный монстр был благополучно разгружен, и огненная вода попала туда, где в ней больше нуждаются. Кинулся водитель за разводным гаечным ключом: сейчас мозги выбью жуликам несчастным! Но фуру с водкой не вернешь. Пришлось водителю продавать свою огромную машину и строить себе на мусорной горе хижину, где он живет поныне. Женился на хорошей девушке – Нинке-сольтисонщице, ее товар был дешев – мясной сбой, как ни ухитришься, не станет осетриной, но он питателен, как осетрина. Нинка добавляла в сольтисон мясо – объедение, не просто закуска!

А между тем гора, нависшая над городом, давно закрывала солнце, на улицах даже в полдень было сумрачно. Но, должно быть, это несколько не смущало Агнету Карловну и ее верного адъютанта – Машу.

Даже Генерал как-то заметил:

– Вы, девушки, не заиграйтесь со своим Вавилоном. Может, нужно отпустить город из объятий мусорной горы?

– Ты не бываешь на объекте, а там как раз происходят интересные события, – сказала жена Генерала. – Несколько дней назад я встретила на нашей башне человека, говорившего на странной смеси английского, французского и русского языков... Процесс, которому предстоит объединить народы, кажется, начался...

– У нас чуть не каждый второй говорит на странной смеси языков, – ответил Генерал. – Мы не выучили чужих языков, губим свой родной... Странно, что ты это только сейчас заметила.

– Ты, наверное, сегодня не с той ноги встал? – спросила Агнета Карловна.

– С ногами все в порядке, – сказал Генерал, – а вот о горе вашей этого не скажешь. Знаете ли вы, что гора постепенно вытягивает, высасывает, как пыле-

сосом, из города его жителей? Прошел слух (не вы ли его сами распустили?), что во время ожидаемого через пару недель конца света спасутся только обитатели мусорного острова; люди бросают имущество и тянутся в ваш Новый Вавилон... ваш Новый Вавилон, – даже звучит как-то дико, ваш... Воля твоя, душенька, но что-то не очень понятное вы породили... Смешнее всего, что гору вашу пару дней назад наши высоколобые ученые признали живым, более того, – развивающимся живым организмом, вполне возможно, разумным... Разумным! – воскричал Генерал. – Не хватало нам думающего мусора! У нас и так каждая собака – мыслящее существо и заявляет о своих правах. А здесь гора-интеллектуал...

На самом деле, академик Вольтаж-Закоренелый, крупнейший исследователь Антиоюкумены, как-то попал в Новый Вавилон и вволю надышавшись испарениями свалки, решил взять пробы тамошней почвы и воздуха – чего только не выбрасывает человек, объявив ненужным, и куча мусора, вполне возможно, уже давно не куча мусора, а конгломерат невиданных доселе веществ: кто знает, что варится и что в конце концов сварится в недрах свалки?

Вольтаж-Закоренелый привез буровой станок, но он не понадобился. Едва прославленный академик включил механизм, как раздался оглушающий стон, переходящий в пронзительный вопль: «Бо-о-льно, падла!..» Лексикон, конечно, был у горы не очень завидный, но откуда, скажите, взяться сладкословию, если приходится обитать посреди мусора, да что там, если ты сам – душа и тело мусорной горы.

Вольтаж-Закоренелый, к его чести, не испугался, не убежал, не призвал на помощь танковый батальон, а принялся налаживать контакты с диковинным существом. По подсчетам знаменитого ученого, Кло (так звали существо) имел продолговатую форму протяженностью около семи километров, в ширину Кло был около километра. Весу в нем было, определил Вольтаж-Закоренелый, пятьдесят миллионов тонн, и гигантский червяк все еще растет.

Откуда он взялся и каковы его цели? Не враждебны ли его намерения?

На всякий случай академик доложил Генералу. Так мол и так, но саморастущая гора под названием Новый Вавилон переродилась в гигантское живое существо; что у него на уме – никто не знает. Но и начинать против него военные действия – нет никаких оснований. Может, ударить без всяких оснований? Для начала хватит дюжины атомных бомб.

– Экий ты воинственный, Ломоносов наш! – сказал Генерал. – А переговоры ты пробовал вести?

– Только самые общие: как самочувствие, погода, уродились ли овсы? Не посекло ли помидоры градом?..

В эту самую секунду вздыбилась под ногами земля, заходила ходуном, раздалась громовые удары.

– Наблюдатели докладывают, что живая гора поднялась на ноги, у ней их оказалось двадцать пар, – сказал академик. – Сороконожка весом в миллионы тонн... Если она двинется в нашу сторону, все мы будем раздавлены...

– Это проблема, – на минуту задумался Генерал и тут же принял решение, а как же иначе – военный ведь человек.

– Поедемте на место, – сказал он. – Там ориентируемся... А бомбы мы всегда успеем сбросить. Авиация в повышенной готовности, космические силы тоже готовы к нешуточной борьбе.

Сказано – сделано, поехали знакомиться с сороконожкой. Взяли с собой Бочарова, рассчитывая на него, как на грубую физическую силу. Физрука не позвали, мелко плавает.

Окрестности Нового Вавилона напоминали поле атомной битвы. Ветер таскал и рвал в клочья какие-то бумажные полотнища. На некоторых были различимы надписи: «Все, как один, отдадим свои голоса...», «...Альдебаран будет повержен!..»

Вершина мусорной горы была почти не видна, укутанная клубами пара и дыма. В разрывах одного из этих обжигающих облаков можно было рассмотреть выводок альпинистов, отважно штурмующих один из отвесных склонов Нового Вавилона. В бинокль, с которым Генерал не расставался, было видно, что половина штурмующих были одеты в черные цилиндры, фраки, лакированные ботинки.

– Это наше альпийское подразделение сопровождает дипломатов, уполномоченных вести переговоры с существом, называющим себя Кло.

– Где оно само, это существо? – нетерпеливо спросила Маша.

И в эту минуту гора качнулось. Потом еще и еще – всего двадцать раз... Вершина горы стала еще выше.

– Существо встало на ноги! – закричал Бочаров. – Сороконожка разминает кости... Вот это ножищи!..

– Да, вы правы, – сказал задумчиво Генерал, – нельзя допустить, чтобы этот мегачервяк, этот сороканогий таракан прогулялся по нашей планете... Но не будем спешить...

Огромная гора мусора, сумевшая непонятным образом обзавестись сорока слоноподобными ногами и обрести вполне человеческий голос, правда, немного хриловатый, пока никуда не двигалась, переминалась с ноги на ногу, должно быть от нетерпения.

Наконец дипломаты, сопровождаемые солдатами альпийского подразделения, достигли вершины (головы) чудовища. В его ужасной пасти вполне мог поместиться небольшой город.

Глава нашей дипломатии перевел дыхание после восхождения и строго спросил:

– Кто вы такой? Откуда прибыли? Нельзя ли взглянуть на проездные документы? Кто оказал визовую поддержку?

– Я – Кло! Вечноживущий! Основа Мира!..

Глава дипломатии немедленно доложил о ходе переговоров Генералу, тот сделал сообщение для прессы, в котором говорилось, что человечество подверглось смертельной опасности, и спасти его смогут железная дисциплина, хлеб по талонам, всеобщая мобилизация и – бдительность, бдительность, трижды бдительность. С сегодняшнего дня действуют ограничения на прессу, закрыты газеты левого толка, заодно с ними и все остальные. Введены в практику расстрелы на месте без суда и следствия.

– Я – Кло! – повторил гигантский червяк. – Мои другие имена – Хаос, Тьма, Разруха... Ревность...

Нет, не зависть, а именно ревность.

Бочаров похудел, ввалились глаза, в черных провалах зрачков полыхал фиолетовый огонь. Для него было мукой не видеть Машу, для него нестерпимой мукой было видеть ее. Взгляд Маши всегда скользил мимо, не задерживаясь на Бочарове,

и даже глядя в его сторону, она не видела его. Он был для нее пустым местом. Сначала он думал, что она специально старается показать, как он безразличен ей, и даже радовался этому: любит, любит, все-таки она любит его!..

Но она не любила его. Нисколько! Спроси у нее про Бочарова, и она не сразу ответит, кто это такой. Она не питала к нему неприязни, впрочем, и приязни тоже. Она помнила, что он довольно забавный человек, обитатель крыш, ей было хорошо с ним, но без него, кажется, лучше. После него у Маши была пара историй. Совместная работа по подготовке к экспедиции, посвященной Эммануэль, бросила ее в объятия физрука Эдика, но в ту же минуту, когда Бочаров дал ему по уху, любовь прошла. Вторая история разыгралась, можно сказать, у самого подножия Нового Вавилона. Как-то вечером Маша привезла на мусорную гору водку; требовалось с каждым днем все больше этого благородного напитка, и вдруг вместо ожидаемого полупьяного мужика, передвигающегося на дребезжащем грузовичке, приехала на этом самом грузовичке барышня – гипюр, кружева, чуть-чуть косметики – и до того дико это выглядело на мусорной горе, что барышня сама это понимала, и все время повторяла:

– Я здесь случайно, я вместо заболевшего отца... Я случайно здесь!

Но водку приняла строго по счету, ловко перегрузила ящики в грузовичок, отказавшись от помощи новых вавилонян, которые во множестве вертелись вокруг, готовые за пятерку подставить плечо под бревно, разгрузить машину кирпича, написать кандидатскую диссертацию.

Барышня уехала, и Маша подумала ей вслед: «Какая очаровательная, просто ангел... Просто живой соблазн». И сама смутилась, как-то обжигаяще получилось у нее насчет соблазна, перехватило дыхание, она почувствовала даже легкое головокружение.

У нее никогда не было с женщиной хоть чего-то похожего на иное, чем дружба, хотя порой ее бросало в жар от внезапно подсмотренной картинки, совершенно невинной: вот спортсменка, склоненная над умывальником, ее загорелая кожа нежна, трудно удержаться, чтобы не прикоснуться к этому теплому золоту; видны и очертания юных грудей, соски, как тлеющие угольки, того гляди прожгут ткань майки, которая прикрывает их от нескромных глаз – никто даже не посмотрел в сторону спортсменки, а Маша успела рассмотреть все. Живой соблазн...

И еще: она прошептала вслед барышне в гипюре: «Если вернешься хоть за чем-нибудь, то все у нас будет, уж не знаю как, но – будет...»

И, конечно же, барышня вернулась на своей колымаге, крикнула:

– Кто меня ищет?

И не удивилась, когда из толпы отделилась дюжина вавилонян, готовых быть хоть найденными, хоть ищущими.

Но на сиденье колымаги решительно села Маша и сказала:

– Гони!

Барышня не стала дожидаться, когда страждущие вавилоняне облепят грузовичок, и ударила по газам.

– Вы водки получили меньше, – принялась по ходу врать Маша, – поезжайте на склад, там вас дожидается ящик столичной, двойной очистки...

Маша сама не смогла бы объяснить, что двигало ею в тот день.

Барышня удивленно округлила глаза:

– Я два раза пересчитала – все точно...

И все-таки Маша настояла на пересчете. Заехали в необъятный лабаз, в котором мог храниться мировой запас водки и, может быть, хранился. Навстречу им из сияющего лабазного далека выступила хмурая личность, не то мужик, не то баба. На ней (или на нем) не было ничего, что говорило бы о половой принадлежности: бесформенные штанищи, куртка с собачьим воротником, шапка, сидевшая на голове, как дикий улей, причем со пчелами вместе.

– Пожаловать! – сказала не то мужик, не то баба громовым басом и добавил дискантом: – Добро! Служба пересчета, перемера, перевеса областного управления по наведению первичного порядка.

Барышня с Машей переглянулись и рассмеялись; некоторая неловкость, которую обе испытывали, исчезла.

– Бутылки станете пересчитывать? – выказала некоторую осведомленность кладовщица (все-таки это был кладовщик и звали его Боб). – Все так делают! – одобрил Боб. – Если лишнего положили, а так редко, но бывает, это один коленкор, счастливый, а если недостача – беда неопишная. Как ее покрыть? Выходит, только из своего кармана, а мы ведь принципиально за свои не пьем?

– А вы наши бутылки пересчитывайте, не торопясь, дважды, а лучше – трижды, – попросила Маша. – А предусмотрена ли у вас комната для дегустаций?

– Конечно! – ответил Боб. – Без дегустаций разве возможно?

Так они оказались в небольшой комнатке, где большую часть площади занимал кожаный конторский диван пятидесятих годов, стояла тумбочка, на которой громоздилась целая пирамида сияющих лабазной чистотой граненых стеклянных стаканов.

Боб говорил, не останавливаясь, как американская говорильная машина (в самих Штатах эти умные аппараты еще страшно засекречены, а в Европе-Азии уже в полном ходу):

– Слава создателю, чего бы на дворе ни случилось – глад ли, мор ли, Батый ли к стенам подошел, а мы пьем из чистого. Помним, вся зловредная бактерия из грязи происходит...

– Хорошо, что антисанитарии не допускаете! – похвалила лабазника Маша, и в голосе ее ему почудилось нетерпение.

Он принялся прощаться, многословно, настоящая говорильная машина. И, наконец, испарился.

Барышня добыла из стеклянной пирамиды два стакана, налила в них водки, один стакан протянула Маше. Та сделала несколько больших глотков; немедленно в груди вспыхнул костер, и стало удивительно хорошо от того, что, оказывается, так просто запалить пламя, в котором сгорит нынешний угрюмый понедельник, и в наших слабых силах остановить счастливую секунду – пусть, пусть она длится, пока водка есть.

Барышня тоже хлебнула огненной воды, в ее глазах заплясало безумие.

Она протянула Маше руку, сказала:

– Не беспокойся, ничего не будет, если ты сама этого не захочешь...

Маша еще выпила водки и внезапно протрезвела: где она, с кем, а главное – зачем? Но обманное очарование, возникшее неизвестно откуда, эти вопросы не сумели разрушить, поэтому, когда барышня опять протянула руку, Маша прикоснулась к ее прохладной ладошке.

Бочаров едва на ногах устоял, когда услышал новость о лабазном приключении его бывшей жены.

– Мерзость! – сказал он. – Грязь человеческая, и больше ничего!

– Ложь, наветы, – откликнулась Маша. – Завистники не могут успокоиться... Встретились две давние подруги, выпили по глотку вина, – (тошноту едва удалось подавить, таким наполненным был этот глоток), – что, это преступление? Спрашиваю – криминал?..

– Мне-то никакого дела до этого нет, – Бочаров принялся привычно врать, – пусть она хоть с кенгуру дружит...

– Ага, – сказала Маша, – самый равнодушный голос подал... А скажи мне, пожалуйста, кто приставил ко мне лазутчиков, которые снимают, записывают, измеряют каждый мой шаг? Следишь за мной, как старый муж... А ты, впрочем, и есть старый муж... Ревнивец рогатый...

Бочаров на самом деле попросил своего старинного приятеля – Терку (фамилия у него такая – Терехов), содержащего частное детективное агентство, приглядеть за Машей, заботясь исключительно о ее безопасности – время на дворе бандитское, ненадежное, а он, Бочаров, считает себя в некотором роде ответственным за судьбу красавицы. Жена все-таки, хоть и бывшая.

Терка с удовольствием взялся за слежку, хотелось помочь приятелю, да и поддержать репутацию молодого агентства.

На другой же день Терка положил на стол нанимателя первый отчет:

«Объекту наблюдения присвоен идентификационный код 111, псевдоним – Констанция, пароль – "Подсолнух расцветает в полночь", отзыв – "Сам тупой, как валенок!"»

Контент:

«Объект Констанция в 13 часов 16 минут покинула помещение редакции городской газеты "Горожанин", где объект разместила статью "Жизнь без идеалов", в которой выражается опасение за судьбу молодого поколения, как ей кажется – бездуховного...»

Статью взяли условно, на случай, если слетит интервью с Чудиновым-Бухаловым, и понадобится какая-нибудь лажа – забивать освободившуюся колонку, но и это было победой – резкие высказывания живого классика не очень жаловали в нонконформистских газетах. Не любили писателя и в толстых литературных журналах, смеялись в лицо, спрашивали:

– Об чем пишете, Михаил Ануфриевич, опять трилогию о коллективизации заварили? Ко времени, ничего не скажешь, ко времени!

С каждым годом все труднее нашим писателям отрабатывать кусок горбушки ситного, натертого ароматным чесноком; умеющие читать теперь не хватают детективы из американской жизни в переводе первокурсников иныа, не бросается читатель и на производственные романы, где митричи, егорычи и мыколаичи в муках добывают чугун, уголь и поваренную соль; не идет, как прежде, сельская любовная драма, так кустисто цветшая в лучшие советские годы. Вместо щукарей в книжках появились мудрые наставники с университетским образованием, вместо героев, клавших жизни за индустриализацию, родились многознающие менеджеры, но ничего не помогает – литература погибла. Убойная фантастика начала века с космическими вампирами, войнами миров и голыми красотками добила беллетристику; поэзия умерла давно. Поэтому вожделенное слово «го-

норар» забыто и звучит почти как «милостыня»; нынче писатель платит сам за издание нетленки. Чаще всего сам и читает.

«...Объект наблюдения из редакции "Горожанина" отправился в Центральный универсальный магазин, где провел ближайšie шесть часов – до самого закрытия. Купила патрончик губной помады, взяла счет на оплату – один доллар сорок пять центов...»

– Вообще-то, денежные знаки иностранных держав у нас хождения не имеют – сказали ей, но деньги взяли.

«В восемнадцать часов объект встретил гражданина (удалось выяснить, что это студент местной Академии искусств Егор Арлекинов, пьяница и второразрядный жиголо)...»

Арлекинова сразу повели кормить в ресторан фаст-фуда – дешево и сердито. Он, бедолага, третьего дня заблевал стойку бара в ночном клубе, что напротив Академии наук, затеял драку с Барабанщиком, а тот обид не забывает, и с унынием думал, что его песенка спета, кому он теперь нужен, но вот нашлась любительница, и даже жратвы купила.

Егор узнал Машу – как же, человек из самых приближенных к Генералу. Это его встревожило, неужели мужиков не хватает и в таких высоких сферах? И там бабье засело?

«...В восемнадцать часов тридцать минут объект пригласил Арлекинова в номер гостиницы «Англетер», забронированный ею заранее...»

– Раздевайся! – скомандовала Маша.

Даже Егор, видевший-перевидевший всякого, поразился чрезмерной деловитости и холодной целеустремленности молодой женщины.

– Не тяни! – сказала она.

И полетели под ноги трусы, майка и неременный атрибут жиголо – клубный пиджак, правда, довольно потрепанный.

Егор стоял, прикрываясь руками, и все меньше ему нравилось происходящее.

А Маша, между тем, скомандовала:

– Руки убери! Подойди ближе!..

Егор гордился тем, чем наградила его по мужской части природа, но сейчас, стоя перед Машей, он ощущал себя семилетним мальчиком, продрогшим в ледяной комнате.

Маша протянула руку и прикоснулась к Егору. Многие женщины делали это, и он всегда или подавался навстречу, или с трепетом ожидал ласки, но сегодня его словно ударило током и отбросило от ледяной руки Маши. Он не сразу понял, что в руке у нее и на самом деле лед.

– Хорош, ничего не скажешь, хорош, вынослив, самоотвержен, ни лед, ни пламя его не берут, – сказала она, – только трусоват чуть-чуть... А нам нужны смелые кавалеры... Ну, ничего, наука обольщения поддается и зайцам, не только львам. Сегодня мы объявим тебя первым красавцем, и во главе группы ты отправишься на боевое задание (знал бы Арлекинов, куда ему предстоит отправиться!)... Егор беспечно кивнул, дескать, ему не впервой ублажать тридцатилетних старушек.

– Сегодня ты попадешь в лапы настоящей страсти! – сказала Маша и загадочно улыбнулась.

Так непонятно говорила первая помощница Агнеты Карловны, и Егор сумел только сделать вывод, что сегодня понадобится скорее его отвага (какая-токая отвага после вчерашнего?) и только потом его мужская привлекательность. Однако Маша посмотрела на часики. Тот, кого она ожидала, судя по всему, опаздывал, и было бы неразумно, чтобы жиголо простаивал без дела. «Пожалуй, успеем провести следственный эксперимент», – сказала Маша.

«...Объект увлек Арлекинова в спальню и оставался там около получаса (точнее узнать не удалось, камера в спальне вышла из строя)...»

Там же Арлекинов получил задание, самое секретное из тех, что ему иногда приходилось выполнять.

– Вот этот порошок подсыплешь чудищу в вино или жратву, – произнесла она драматическим шепотом.

Егор стал было отнекиваться, но еще никому не удалось отговориться от союзицы Агнеты Карловны. Он обреченно сунул порошок в карман, представляя, как будет, когда рано или поздно все откроется, растоптан сорока ножками – в лепешку.

Когда наконец приехал Генерал, Маша успела привести в порядок одежду, поправить прическу...

«...Так что с вероятностью около семидесяти процентов объект в означенное время совершал (совершала) действия определенного характера с означенным гражданином Арлекиновым. Что потом наверняка подтвердится из независимых источников...»

Бочаров рассвирепел: так спала Маша в этот день с жиголо или нет? Ревнивцам нужны подробности, им чем больше, тем слаще. Они очень бывают недовольны, если не удается подтвердить неверность жен. Не может быть, чтобы я не был рогат!

И он посылает по следам жены все новые отряды лазутчиков, которые, как ты не остерегайся, разведывают, что в одна тысяча девятьсот семидесятом году ваша будущая жена осталась ночевать в студенческом общежитии. Нет, не у подружки, а у двухметроворостого аспиранта Жеки с кафедры прикладного литературоведения. Этот Жека весь вечер бегал по комнатам, клянчил пару презервативов, но никто даже разговаривать с ним не стал, такова была его репутация. Пришлось обходиться подручными средствами.

Школа ревности легко дается старикам, они сгорают на ее кострах дотла, как саксаул:

– Час назад закончились занятия в этой вашей секции джиу-джитцу; где ты была? Кто звонил сейчас, и почему ты сказала в трубку «обнимаю, до встречи»? Где вы назначили встречу, у гостиницы «Англетер»? Что за письмо карябаш ты, кому оно?

Эх, старые дураки, чем больше она говорит, что беззаветно любит вас, несмотря на пятнадцатилетнюю разницу в возрасте, тем больше опасность. Вы или уже рогаты, или это вот-вот произойдет, или как раз совершается – подождите десять минут.

Высохшие стариковские мозги – это полигон, где испытывается убойная сила обязательных командировок в Лондон или срочных вызовов в центральный офис в Танзании. Хорошо ведется простак-муж на всякие спортивные секции, танцевальные клубы, кружки художественного свиста. При том она прожужжит

уши рассказами, как много полезного можно, например, почерпнуть в секции «Вечерний звон», но вы так никогда и не соберетесь хоть на минуточку заглянуть в эти бабские гнезда и посмотреть, что там варится... Завтра в четыре утра долгожданная рыбалка на Донгелеке, а на той неделе махнем на Быгырлай. Пивка возьмем, и не только пивка...

Лично вы уверены, что реально существует такое количество граждан и гражданок, борющихся с целлюлитом, занимающихся бегом, плаваньем? При чем как раз во время, удобное для свиданий. Трудно представить себе, какая туча гражданок уезжает каждый вечер из дома, якобы в бассейны; говорю «якобы» с уверенностью, потому что нет пока на планете такого количества открытой воды, где можно хотя бы попробовать разместить эту барахтающуюся человеческую массу – Мирового океана для этого не хватит.

Где бывает моя жена, когда уходит в бассейн? Откуда возвращаются ваши жены, отправившиеся пару часов назад в массажные салоны, тренировочные залы, маникюрные ячейки?

– Зачем ты шпионишь за своей бывшей женой? – искренне удивился Терка. – Разве ты не знаешь, что ревность подняла подозрение выше факта?

Если в вас поселились сомнения, то не надо бежать к сыщику, а просто умножьте предполагаемое, воображаемое в десять раз, а пожалуй, и в двадцать, – и только тогда, может быть, возникнет реальная картина преступлений вашей жены, но и это полотно далеко от завершения – смелее наносите новые, смелые мазки; фантазия всегда с вами, и, уверяю вас, что очень скоро вы перестанете различать, что было, а чего не было, и не будет никогда.

– Мне нужно знать, – промямлил Бочаров, – вдруг это только наветы, а на самом деле она чиста...

Рогоносцы любят прощать неверных жен. Объятья, слезы, клятвы – словно недолгие праздники, выходные для душ, полюбивших страдания. Если всех не простить, то некого будет ревновать.

Терка спросил у Бочарова:

– Будем продолжать слежку?

Бочаров покраснел, но решил остаться в строю ревнивцев.

– Будем! – сказал он твердо.

– Пропал человек, – заметил детектив Терка.

Слух про игры Маши с барышней в водочном лабазе не подтвердился. Вражеская клевета.

Глава девятая СЕКРЕТНАЯ МИССИЯ

Генерал приехал встревоженный, всклокоченный, от него пахло спиртным. Он наорал на начальника личной охраны, приказал, чтобы все офицеры привели свой внешний вид сообразно с требованиями строевого устава. Никаких лакированных штиблет, золотых портсигаров, бесчисленных наград, многие из которых не совсем ясного происхождения! Например, орден Удавки...

– Все! Отныне вольностям конец! – кричал он. – Мы воспитали гламурную пехоту! Вы слышали когда-нибудь, чтобы каждый боец имел в кармане мани-

кюрный набор? Чтобы питался не кашей с тушенкой, а хот-догами, пищей с королевскими креветками и, конечно, суши? Полкам теперь приданы походные суши-бары, в штатном расписании появилась должность «полковой кутюрье»... Все крепили оборону, деньги выпрашивали у парламента на новейшие вооружения, а червяка проглядели... Сороконожка говорящая объявилась, и все рухнуло, все упаковывают чемоданы... Вся армия разбежалась, верными землянам остались несколько бронетанковых батальонов.

– Не бери, дорогой, в голову, – успокоила мужа Агнета Карловна, – и это тоже пройдет...

Она знала, что неудачей закончились первые переговоры с гигантским мусорным существом – Кло. Он попросил отступного – сто миллиардов долларов. Таких чудовищных деньжищ не было во всем государстве, но дело было не только в них; Кло потребовал, чтобы из каждого города ему прислали по одному юноше и одной девушке детородного возраста, признанных у них на родине самыми красивыми – для «гуманитарного эксперимента», сказано в требованиях чудовища. Иначе он выходит гулять по улицам наших городов.

Крик и вой понеслись по всей планете. Ведь все газеты и телевидение разнесли по городам и селениям, что гигантская сороконожка питается юными красавцами; юные красавицы шли у него на другое...

– К оружию! – призывали радикалы. – Не склоним головы перед страшным врагом. Заодно и парочка погромов не помешают... Много воли дали инородцам!

Либералы, блестяще аргументировавшие свою позицию, требовали немедленно сдать и перенимать все достижения всемирного парламентаризма.

Почвенники выступили за скорейшее запрещение продажи земли, особенно иностранным гражданам на «вынос»; никому не секрет, что миллионы тонн плодородной почвы вывозится грузовыми ракетами на Альдебаран.

Партия «Возрождение культуры» предложила построить вторую Эйфелеву башню, потому что первая рано или поздно проржавеет, а мы примем превентивные меры – и двойник будет готов заранее.

Партия войны созвала экстренный съезд, на котором прозвучала обоснованность открытия боевых действий – против всех. Партийцы утверждали, что сейчас самое благодатное время для нападения на соседей, и не только соседей. Мусорное чудовище явилось как раз вовремя: можно легко, не вызывая подозрений, перемещать войска, боевую технику. Больше такой удачи может и не случиться.

Генерал лично отправился (охрана – два мотострелковых батальона) к Новому Вавилону, благо, дорога знакомая. Знаком и пейзаж. Почти альдебаранский. Горы всякой дряни, спрессованной до плотности гранита, вздыбались вверх, на головокругооборотную высоту. Орала какие-то горластые птицы, непрерывно вступая друг с дружкой в драки из-за объедков. Першило горло от ужасных запахов, и среди этого смрада, ржавого металла, мусора и бетона мелькали человеческие фигуры. Башня была обитаема.

На самой вершине Нового Вавилона сидел огромный и ужасный Кло – порождение мусорной горы, сам гора. Кло пожирал бананы, как раз подошли железнодорожные составы с очередным грузом фруктов. Удалось договориться с сороконожкой, что в обеденный перерыв – никаких боевых действий, никаких диверсий, никакого дуста в манной каше. Кло пообещал не трогаться с места, пока регулярно подвозят бананы, хурму и орешки кешью.

После орехов Кло чуть подобрел, снизил размер контрибуции до ста миллионов. Генерал рассчитывал, что при личной встрече ему удастся добиться более значительных успехов. А пока во всех городах спешно проводили конкурсы красавиц, и первые победительницы уже были в пути. Многие плакали, умоляли сопровождающих гвардейцев отпустить их. Но военные, проинструктированные не поддаваться на жалость, помнили, что красавицы будут отдуваться за все десять миллиардов населения планеты, отводили глаза. Их уверили, что девушкам выпало счастье постоять за отчизну. Командир гвардейцев говорил подчиненным: «Жалко этой сотни красавиц, но их отправили на святое дело. И, скажем, девушки у нас не последние, да и неизвестно, что будет с первой сотней, может, будут пребывать в неге, наслаждаясь драгоценными винами и диковинными фруктами? Не станет же, в самом деле, разумное существо поедать других разумных существ?»

Но Генерал держал в голове еще пару-другую вариантов развития событий. Опытный военачальник, он быстро понял, что мусорный монстр, обжираясь на горе, теряет инициативу. Или он уверен в полной своей неуязвимости, или просто-напросто опасается потерять такую славную для него кормушку. Видать, не каждый день шли к нему поезда с уроком.

И Генерал решил рискнуть. Он отдал совершенно секретный приказ, который был озаглавлен так: «Отчизна зовет. Приказ номер 131313». И тотчас все дороги заполнились военной техникой, к Новому Вавилону стягивались пехотные батальоны, танковые дивизии, ракетные дивизионы.

И немедленно либералы все разболтали в своих газетах. И сколько танков, и сколько самолетов, и сколько ядерных боеголовок. И, само собой, заголовки: «Руки прочь от беззащитного гостя всех землян!», «Долой партию войны!», «Разумный пришелец – подарок истории!», «Распахнем гостеприимные объятия космическим братьям!», «Готовится подлое убийство!», «Остановить убийц!»...

Генерал ворчал: «Чуть что, и сразу марсиане появляются, космические герои, галактические супермены, как будто у нас своего дерьма не хватает. И этот сороканогий червяк наш, местный... Еще не такое увидите... С какой стороны ни посмотри, а на говно у нас талант...»

Генерал вел трудные переговоры. Кло еще пошел на уступки. Деньгами просил миллион, почти согласился отказаться и от юношей...

В числе первых Кло получил вопящего от страха Егора Арлекинова. Жиголо так визжал, когда гвардейцы подталкивали его к пасти чудовища, что у того уши заложило.

– Ну что ты так орешь? – кое-как он перекричал отважного юношу. – Тебя что, режут?

– Не ешьте меня! – орал жиголо. – Я с похмелья невкусный... Кроме того, я душ не принимал неделю, вам противно будет...

– Ах, вот в чем дело, – хмыкнуло чудовище, – что же, мы не сумеем организовать помывку? Сумеем!..

Жиголо забило крупной дрожью. Он проревел:

– У меня запор и космический анурез!..

– Подайте соли! – приказал Кло. – Мелкого помола... Перчик тоже не мешает.

– Вы шутите? – закричал Егор: в самой возможности шутки ему почудилась надежда.

– Мне, поверьте, не до шуток, – улынулся Кло. – Дремал я сладко, в предвкушении зимней спячки, мечтая, что весной я смогу, наконец, назвать своей женой прекрасную Ло, которой до обручального пробуждения осталось всего ничего – сто двадцать лет, и мы могли бы уже погрузиться в брачный сон, ведь говорят, что первый брачный сон запомнится навсегда, но вы своими тракторами, перфораторами и отбойными молотками нарушили мою дрему, теперь мне маяться наяву все эти сто двадцать лет, дожидаясь пробуждения Ло. Совсем не факт, что, проснувшись, она захочет связать свою судьбу с изгоем, выпавшим из своего дремпоколения. Из этого следует, что я весьма зол, а когда я зол, то от меня ждать пощады не следует. Но... но... это, конечно, шутка!.. Мы – миролюбивая нация... и не пожираем себе подобных.

Арлекинов был близок к обмороку, но после этих слов ободрился; его не смущало, что его признали равным с тем, что вчера еще было огромной горой мусора.

– Недаром я зовусь Кло, что означает «радость», – продолжил он, – и я активист общества «Международное счастье». Мы считаем, что счастья вокруг нас несколько не меньше горя, и не киснуть мы приходим на белый свет, а быть счастливыми... А у вас на этой рукотворной горе как будто музей на открытом воздухе... Музей человеческих пороков...

«Видел бы ты все земные пороки», – подумал Арлекинов.

– Поэтому мне пришлось в голову провести вечеринку «Когда Ло проснется», на которую приглашаю и самых привлекательных землян. Вечеринка начнется сегодня в 19 часов, а закончится, когда Ло проснется... Все в купальных костюмах, девушки желательно в бикини!..

– Вот это размах! – стал приходить в себя Арлекинов. – Сто двадцать лет нажора, сто двадцать лет в бикини...

Генерал подготовил ноту. В которой в числе другого говорилось: «Значительные разрушения жилых домов наблюдаются повсеместно, ущерб пока подсчитывается, но речь идет о многих миллиардах. Продуктов питания уже поставлено восемь эшелонов... Предлагаем решить эти проблемы в кратчайшее время (банки уже открыты, для начала мы удовлетворимся суммой в сто миллионов), в противном случае оставляем за собой право защищаться...»

Ответ был получен мгновенно: «Требуемая сумма депонирована на Ваше имя в ближайшем к Вам отделении ФикшнБанка». Генерал впервые в жизни растерялся. Под атомной бомбардировкой на Альдебаране он не терял присутствия духа, не кланялся пулям во время марсианской кампании, а сейчас как будто почву выбили у него из-под ног. Он осторожно спросил у Агнеты Карловны, как она оценивает ситуацию?

Та ответила:

– Она в высшей степени эротична, ну, типа верхи не могут, а низы не хотят, или наоборот? Эпоха катастроф, я не устаю это повторять, это время любви напоследок, поэтому она так горька и так желанна... А этих чудовищ всех сослать в Антарктиду, пусть там впадают в спячку хоть на миллион лет...

– Эти сороконожки весят миллионы тонн каждая, как же, сошлешь их в Антарктиду! – сказал Генерал. – Даже если Кло с компанией (эту компанию еще никто не видел, а там есть экземплярчики – закачаешься!) отправятся добровольно на полюс, они вытопчут половину Земного шара.

Бочаров, всегда околачивающийся неподалеку от Маши, вставил-таки словечко:

– Вы все время забываете или не берете в расчет специально, что мы имеем дело с разумными существами... Сбылась мечта человечества, мы встретили братьев по разуму и сразу же наставили на них пулеметы...

Генерал запыхал гневом:

– Я мог бы вам не напоминать об этом, но, видимо, придется. Вы, может быть думаете, что все забыли, кто по сути дела вырастил, можно сказать, – взлелеял эту гору, этот конгломерат мусора, отходов, неведомых химикатов, которые путем таинственных реакций породили чудовище, и, как оказывается, не одно. Мне все равно – размышляет о чем-то куча мусора или не размышляет. Если моя планета под угрозой вытаптывания, мы, военные, обязаны угрозу устранить, и мы устраним. Сегодня в двадцать часов посмотрим, что за начинка у этой ходячей горы... Это, конечно, военная тайна, но говорю вам об этом без тени опасения за ее содержание, потому что в городе введен специальный пропускной режим, без вот такой карты (он достал из кармана и показал всем красный пластиковый прямоугольничек) вам не пройти и квартала. Все телефоны отключены, все компьютеры заблокированы, отдан приказ открывать огонь по нарушителям режима без предупреждения... Так что сегодня проведете вечер все вместе... И не вздумайте решиться на какую-нибудь глупость!..

Генерал помолчал с минуту и добавил:

– Так что для меня есть только цели...

И Генерал отбыл в штаб.

Бочаров схватился за голову:

– Там как раз вечеринка начнется! Люди веселиться придут, а тут вы со своими танками!.. Разве это возможно?

Бочаров возмущался, кричал, даже ударил кулаком по столу, но сам понимал, что этот протест на фоне Нового Вавилона не будет услышан. Живущие на свалке всегда помнят, что даже разорвав пуповину с ней, они – помойные люди. Садясь в министерское кресло, бывший житель февел знает свои корни и пытается быть снисходительнее к тем, кто живет в мусорных контейнерах, ящиках из-под телевизоров, в разбитых автомобилях – норах, щелях и подвалах. Люди помойки ни сами никому не сочувствуют и ничьего сочувствия не ждут. Судьба Кло им безразлична, большинство и не знает о его существовании, и никогда не узнает. Их занимает другая новость: из телевизора недавно сказали, что ученые наконец поняли, что хлеба на всех не хватает, и поэтому будет разработана специальная система справедливого распределения ситного. В этой системе будут работать кристально честные люди, их будет назначать сам Генерал после тщательной проверки...

Бочаров улыбнулся, он знал как честны люди Генерала, просто ангелы.

– Я все-таки попытаюсь пробиться на вершину, надо не допустить бомбардировки, – сказал он.

Никто не стал его удерживать. Только Маша сказала:

– Побереги башку...

Окрыленный Бочаров пулей полетел к Новому Вавилону. На первом же перекрестке его остановили дюжие гвардейцы. Их взгляды не предвещали ничего хорошего.

– Куда следуете и по какой надобности? – спросил хмурый гвардейский лейтенант. – Есть ли у вас специальный пропуск, известен ли вам пароль?

Бочаров ни разу в жизни не имел никаких пропусков, тем более специальных.

– Назад! – скомандовал ему лейтенант.

В это время на перекресток выкатились танки, взревев моторами, они стали занимать позицию у ограды городского сада. Лейтенант со товарищи забыли о Бочарове, и тот проскользнул дальше.

На главной площади города разворачивался дивизион тактических ракет. Ракетчики протягивали кабели, расчехляли радарные установки, устанавливали ракеты на пусковые столы.

Вокруг было полно зевак, комендантский час только раззадорил горожан, которые пребывали в уверенности, что стали свидетелями военных маневров.

– Друзья! – крикнул Бочаров зевакам. – Здесь готовится невиданное преступление!.. Хотя убить огромное разумное существо, а вместе с ним не одну сотню самых красивых молодых людей!.. Не допустите этого!

К Бочарову направились сразу несколько человек, на ходу расстегивая пиджаки. Что там у них в карманах, Бочаров не стал рассматривать, а бросился бежать. А бегают люди крыш, подземелий и картонных особняков очень быстро. Они виртуозно прячутся, легко перевоплощаются – Станиславский бы им поверил; они проворны, им не нужно повторять дважды. Ученые давно тщатся открыть секрет этой скорости, но, увы, не там они ищут; Бочаров и его друзья не просто бегают за каким-нибудь латунным кубком, они – убегают. А за ними гонятся, нередко с револьверами в руках, случается, что из этих револьверов палят в белый свет, как в копеечку, и даже попадают.

Бочаров перевел дыхание, он обогнал своих преследователей как минимум на десять минут.

Новый Вавилон был уже близко, от его смрадного дыхания невозможно было скрыться. Здесь дорогу преграждали два танка, рядом пофыркивали двигатели двух десятков мотоциклов. Седоки были в коже, устрашающе раскрашенных шлемах.

«Служивые байкеры! – снисходительно подумал о них Бочаров. – Однако здесь не прорвешься! Впрочем...»

Он решительно двинулся к байкерам, вспоминая молодость:

– Чуваки! – кое-что вспомнилось. – Пока вы здесь зависаете, как свинцовые цепелины, там самые реальные герлы уплывают за шесть морей!.. Нехилый кастинг сообразили...

Он подумал, что сразу получит в морду, однако примитивный этот финт сработал:

– Что за герлы, куда их отбирают? – заинтересовались кожаные.

Он наврал им с три короба, не надеясь, что кто-то ему поверит, не заботясь о правдоподобности. Из его рассказа выходило, что в городе идет негласный отбор кандидатов в опасное реалити-шоу с тиграми, львами и анакондами. Многие участницы шоу реально погибнут перед объективами телекамер...

– Брехня! – это сказал самый бородастый и самый громадный из мотоциклистов.

Бочарову показалось, что тот возвышается над ним метров на пять.

– Брехня! – повторил он. – Я знаю пару телок, которые участвуют в проекте, так они рассказывают, что там все по уму, даже хавчик халявный...

– Точно! – подтвердил самый, должно быть, маленький байкер.

Бочаров не сразу обнаружил его на сидении рычащей «Ямахи».

«Это наш шанс?» – спросил он у себя, но отвечать не поторопился, вдруг стало не до этого. Пока мотоциклисты разглядывали его, размышляя, что же с ним сотворить, он бросился к «Ямахе», сгреб в охапку карлика, бросил его на заднее сиденье мотоцикла бородатого гиганта, сам взлетел на «Ямаху» и понесся к вершине. Сквозь рев мотора он услышал дружный рев байкеров, содержанием которого было: «Остановись по-хорошему, догоним – убьем! А догоним непременно».

Бочаров обогнал колонну тяжелых танков, батальон морской пехоты, гаубичную батарею, несколько машин реактивных установок залпового огня – лавина боевой техники надвигалась на рукотворную гору, вершина которой неведомым образом стала гигантским хищным зверем. Будто бы разумным...

Генерал давно не чувствовал такого прилива сил. Наконец-то в его руках настоящая боевая работа. Не разгон митингующих против повышения цен, не массовые аресты, а война с чудищем, может быть, прибывшим из далекого космоса. Звездная война! Бластеры! Лазерные мечи... Мудрые военачальники...

И никаких сомнений. Что из того, что незваный гость знает несколько фраз по-русски. На русском сейчас любой альдебаранец пару слов скажет...

А нашу родину, нашу Землю мы не дадим вытоптать злым звездным монстрам. Генерал вспомнил, как проходили его последние переговоры с Кло, и не мог сдержать раздражения: тогда сороконожка явно подтрунивала над ним. Было бы животное поменьше ростом, Генерал непременно дал бы ему по морде, особенно после того, как Кло предложил ему место военного консультанта в одной из его фирм, поставляющих оружие странам восьмого мира – тисовые луки, дальнобойные пращи, осадные башни...

– Наша фирма может вам платить миллион! Правда-правда!

Генерал не выдержал, спросил:

– Деревянными или нашими?

– Работаем со всеми валютами мира, – сказал Кло. – Прошу обратить внимание, миллион долларов – это ежедневная зарплата, вы будете получать ее каждый день... Как пожелаете – наличными или по перечислению? Аванс – вот в этом кейсе...

Кло откинул крышку чемоданчика, показал ровные ряды долларовых пачек.

– А-а-а... – как будто понял Генерал. – Фальшивые, подделка на государственном уровне?..

– Да нет же, – уверил его гигант, – деньги совершенно нормальные... Да вы возьмите этот кейс – на пробу, сами убедитесь... Купите сигарет, водки – все, что вам по душе...

Генерал стиснул зубы: кто он такой, этот ничтожный червяк, что может таким образом разговаривать с героем сражения у горы Сантас?

– Не нужны нам ваши деньги, мы не нищие! – кажется, Генерал произнес эти слова, но каким образом кейс оказался в его руках – этого не запомнил никто.

Поэтому на последних по времени переговорах Генерал кипел от злости.

Ему понравилась грубая фраза: «Я его урою!» – и она все время приходила ему на ум: «Я еггго-го-го урою!»

Едва войдя в штаб, он немедленно объявил боевую тревогу. Горожанам это понравилось: вой сирены как будто убеждает нас в том, что государство на всю катушку позаботилось о нас. И нам нечего бояться!

Генерал скомандовал: «Приказываю перевести ракетные дивизионы с первого по двенадцатый из постоянной в боевую готовность!»

Шутки кончились...

Бочаров вылетел на «Ямахе» на огромную бетонную площадь. Это была вершина мусорной горы, по которой неспешно передвигал гигантскими ногами Кло. Рядом с Кло высился амфитеатр новенького конгресс-холла – и когда только успели построить? Вокруг конгресс-холла гуляли приглашенные красавицы и красавцы, праздный народ.

Наверное, надо было церемонно представиться, произнести речь, раскланяться, но времени на это, понимал он, у него не было.

Поэтому он просто остановился там, где было многолюднее всего, и закричал что было сил:

– Люди! Спасайтесь, кто может! Сюда направлены баллистические ракеты! Как можно скорее уезжайте! Убегайте! Уходите!..

Он не очень надеялся, что ему поверят, но ему поверили. Народ сначала медленно, а потом все проворнее стал утекать с Нового Вавилона... Но, наверное, было уже поздно...

Генерал скомандовал:

– Произвести прицеливание... Координаты цели...

И вдруг он почувствовал, как земля уходит у него из-под ног. В буквальном смысле. Он не удержался на ногах и повалился на бронированный пол ракетного комплекса. Его подчиненные тоже посыпались, как червивые яблоки в ветреный день.

Вокруг все – со стен и потолков – стало обрушиваться: люстры, радиотарелки, какие-то приборы, и все норовило угодить в голову, и угождало. Страшный крик и визг поднялись вокруг.

Внезапно как будто подземная молния вспорола пол под ногами, и образовалась гигантская трещина, в которую в мгновение ока провалились пусковые столы, а следом и сами ракеты. Некоторые ракеты запустились как бы сами по себе, это сработала умная электроника и нанесла автоматический «удар возмездия», но большинство ракет взорвались еще на старте, и только несколько смертоносных снарядов ушли на цель. В огромном здании бушевал и раскидывал свои щупальца огненный смерч. Люди сгорали, как спички. Никто не знал, где искать спасения.

И тут в теле мусорной горы образовались гигантские вращающиеся воронки, и они принялись затягивать Новый Вавилон в труднопредставимые подземные пространства.

Кло оказался только на вид могучим и несокрушимым. В него все-таки попала шальная андронидная ракета, и гигант рухнул, похоронив под собой новенький конгресс-холл.

Люди метались по склонам гибнущей горы. Бочаров увидел, как мимо него промчался бронированный джип, и за рулем его сидел сам Генерал. Но он не-

далеко уехал; автомобиль попал в одну из воронок и медленно погрузился под землю.

Почти как птица, отчаянно взмахивая руками, куда-то вбок проплыла Агнета Карловна. Неизвестно, казалось ли ей все происходящее наполненным высокой эротикой.

Было так страшно, что Бочаров закричал:

– Help! Help!.. Маша!!!

Стремительно падающий Егор Арлекинов проревел:

– Караул!..

– Тохта! Тохта! – кто-то вопил по-казахски...

И никто друг друга не понимал...

И никто никого не любил...

В те дни мир погибал и, кажется, погиб.

7 апреля 2016 г., Бобруйск

ТРИУМФ ЭММАНУЭЛЬ В ЭПОХУ КАТАСТРОФ

Послесловие к роману Г. Доронина

Известный читателю автор Геннадий Доронин представил в своем новом романе «Высокая эротика катастроф» своеобразную антиутопию, в которой со всей очевидностью определяется точка невозврата современной цивилизации. Многие исторические черты сегодняшней действительности узнаваемы.

Автор описывает эру, когда люди уже не помнят, как выглядит бумажная книга и потеряли навык чтения таких книг. Когда вместо них существует некая доступная всем флеш-карта, на которой размещена вся разрешенная мировая литература, кроме «социально-пустых и враждебных» народу книг.

Бочаров, главный герой романа, имеющий страсть к собиранию и сохранению давно вышедших из употребления бумажных книг, по понятиям большинства людей – неудачник, лузер. Это бездомный, одинокий чудака, живущий на чердаке, один из немногих обладателей коллекции книг, собранных из списанных библиотеками старых или неугодных властям изданий.

Действие разворачивается вокруг нового Вавилона, построенного на заброшенной свалке из промышленного хлама и отходов – ржавых труб, брошенной арматуры, искореженных машин, перекрученных проводов... Писатель создает такой сюрреалистический пейзаж, где основой нового города является мусор, отходы, неведомые химикаты, смрадный запах.

Есть в романе Генерал, мечтающий о грядущем Бесконечном Порядке, есть писаки-журналисты, почтующие читателей ложными, выдуманными историями. Есть свои «гении» и «таланты» литературы.

Как известно, трагедия во второй раз повторяется, но приходит она в виде фарса. Автор прозрачно намекает на то, что, возможно, будет вновь «отменный

порядок», в котором запретят Ерофеева с его «петушками», Хлебникова с его непонятными поэмами о прошлом и будущем, и появятся романы, действующими лицами которых станут рабочие и сельские труженики. Но все это будет не так страшно, да и либерализация общественной жизни дошла до такой степени, что нет в ней места карательным и репрессивным законам и ограничениям.

Герои романа исповедуют свободную любовь, не настаивающую на нравственности, духовности. Одна из гламурных героинь в романе объясняет, что любовь – явление устаревшее, которым живут лишь дремучие люди, а есть только эротика: «Мы дышим эротикой, мы живем ею, мы повсюду находим ее проявления, даже в самых, казалось бы, далеких от нее сферах...» Такой своеобразный триумф Эммануэль в эпоху катастроф, если помните один из первых эротических фильмов 1970-х годов.

Персонажи Доронина организуют экспедицию имени Эммануэль, идущую под флагом Эммануэль, проводящую конкурс имени Эммануэль. Кутюрье создают шедевры мировой моды, кинематографисты – фильмы, композиторы – кантаты, архитекторы – свои монументы. Хореографы ставят балет, а самые смелые авангардисты обещают написать книгу «Апофеоз абсурда».

«Согласитесь, что в катастрофах, даже в предчувствии катаклизмов есть что-то возбуждающее», – говорит одна из героинь романа, а искусствовед читает лекцию публике, объясняя, чем отличается высокая эротика от порнографии.

Жизнь героев романа – отражение жизни в зеркале современной истории. Вот, например, галерея персонажей Доронина: Агнета Карловна – идеолог свободной любви, барышня Маша – самка, легко спаривающаяся с попавшимися на ее пути мужчинами, потворствующая своим сексуальным фантазиям, писатель Чудинов-Бухалов, академик Вольтаж-Закоренелый...

Роман Г. Доронина не социально-философская трагедия, не протест против страшного иллюзорного мира, который мы знаем по романам Замятина, Оруэлла, Хаксли и др., раскрывающим механизмы «идеального» социального устройства мира. Доронинский роман не является и классической антиутопией, пародирующей саму утопию. В нем нет элементов традиционного жанрового моделирования с обязательным конфликтом личного и общественного, бунтом героя против «гарантированного счастья», беспорочного мира материального достатка.

Абсурдность мира, абсурд всеобщего существования не замечает никто, главный протагонист в том числе. Мельчает время, мельчают и «гении»! Все герои в романе Доронина маленького роста. Они не замечают своей пошлости, абсурдности всего, что творят.

Как не замечаем мы, живущие сейчас, разрушение нравственности, давно уже происходящую всеобщую гламуризацию. Гламур наводится на все – на литературные произведения, на искусство, моду, политику, историю. Главное, чтобы был лоск, блеск, визуальная привлекательность! Массированно он наступает с экранов телевизоров, в передачах в стиле *comedy club*, бесконечной малаховщины, с их обывательскими опусами, унижающими зрителя, с оглушением масс, с гламурными особами, люмпенизированными косноязычными персонажами, «экспертами из народа» с убогим интеллектом. Все это свидетельствует о потере нравственных ценностей, пропаганде самых низменных человеческих пороков. Полупустоты духа приводят к роковым деформациям народа в целом.

В романе Г. Доронина есть аллюзии, хорошо известные по библейским текстам: это и легенда о строительстве Вавилонской башни, и легенда о всемирном потопе. Разрушение города как символ нового всемирного потопа придает роману характер апокалиптического видения. Это еще одна аллюзия с Книгой откровений Иоанна богослова. Писатель рисует остатки мира, обломки мироздания, погружающегося на наших глазах в бездну. Но разрушение и хаос – это не только порождение чудовища Кло, этакого мусорного монстра, терроризирующего город.

Злободневность изображаемого Г. Дорониным несомненна. Надеюсь, что в суетной нашей действительности, особенно в беге последнего времени, роман Г. Доронина не потеряется, не перестанет действовать на воображение читателя. Погружение в него рождает новый взгляд и на конкретное настоящее, и на время вообще. В этом его сила, дающая основание надеяться на то, что, что вглядываясь в прошлое и настоящее, автор напишет еще немало праведного и волнующего.

Ольга Абишева

В июле 2017 года отмечают:

80-летие

Серик ГАБДУЛЛАУЛЫ, *поэт*

Таупык РЫМЖАНОВ, *прозаик*

70-летие

Аманжол КАНАФИН, *поэт, сатирик*

50-летие

Нурлан КАЛКА, *поэт, публицист*

Редакция журнала «Простор» сердечно поздравляет юбиляров!

